

ВРЕМЕНА И СУДЬБЫ

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ

ИЗВЕЩАНИЕ
№

С.-Петербургский институт истории РАН
Европейский университет в Санкт-Петербурге

ВРЕМЕНА И СУДЬБЫ

*Сборник статей
в честь 75-летия
Виктора Моисеевича Панеяха*

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
С.-ПЕТЕРБУРГ
2006

Времена и судьбы. *Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха.* — СПб.: «Европейский Дом» — 2006 — 482 с., илл.

В сборник включены статьи по широкому кругу проблем: истории России с древности до второй половины XX в., историографии и источниковедению, а также публикации исторических источников

Редколлегия:

*Б.В.Ананьиз, В.Г.Вовина-Лебедева (ответственный редактор), Р.Ш.Ганелин,
З.В.Дмитриева, М.М.Кром, М.Б.Свердлов, А.А.Фурсенко*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Научной программы С.-Петербургского центра РАН

Утверждено к печати С.-Петербургским институтом истории РАН
и Европейским университетом в Санкт-Петербурге

- А.П.Купайгородская (С.-Петербург)*. Из истории советского опыта организации власти на местах ♦ 230
- Витторио Страда (Венеция)*. Русский и западный нигилизм ♦ 240
- А.А.Фурсенко (С.-Петербург)*. Ночное заседание Президиума ЦК КПСС 22–23 октября 1962 г. ♦ 250
- В.Г.Чернуха (С.-Петербург)*. Закон о раскольниках 19 апреля 1874 г. ♦ 261

Историография

- Е.А.Ростовцев (С.-Петербург)*. Дневник Н.Н.Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки ♦ 270
- М.Б.Свердлов (С.-Петербург)*. Аспирантский период в биографии Л.Н.Гумилева ♦ 319

Источниковедение

- Л.И.Ивина (С.-Петербург)*. Древнейшие частные акты купли-продажи Белозерского края ♦ 342
- С.М.Кашианов (Москва)*. К истории холопства в XVI в. ♦ 357
- М.М.Кром (С.-Петербург)*. Будни власти: пометы на жалованных и указных грамотах как источник по истории великокняжеской канцелярии 30–40-х гг. XVI в. ♦ 381

Публикации

- Е.В.Анисимов (С.-Петербург)*. Из истории русско-голландского династического союза 1720-х гг. ♦ 403
- Р.Ш.Ганелин (С.-Петербург)*. Анна Владимировна Пруссак (1888–?). Материалы к биографии ♦ 415
- З.В.Дмитриева (С.-Петербург)*. Келарские приходные и расходные книги старца Кирилло-Белозерского монастыря Матвея Никифорова (1654–1660 гг.) ♦ 441
- С.А. Козлов (С.-Петербург)*. Карточные поединки графа Алексея Бобринского ♦ 469

Список трудов В.М.Панеяха, не вошедших в биобиблиографический указатель ♦ 478

Список сокращений ♦ 480

ИСТОРИОГРАФИЯ

Е.А. Ростовцев

Дневник Н.Н.Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки

Брак Сергея Федоровича Платонова (1860–1933) и Надежды Николаевны Шамониной (1861–1928) был заключен в июне 1885 г. и длился более 40 лет до самой смерти Надежды Николаевны. В течение длительного времени Н.Н.Платонова вела дневник, в котором фиксировала важные личные и социально значимые события. Дневник Надежды Николаевны Платоновой (далее — Дневник) хранится в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ) — Ф.585 (С.Ф.Платонов). Оп.1. Д.5691–5702. Хронологически Дневник охватывает период с сентября 1889 г. по ноябрь 1921 г. Однако надо отметить, что в записях есть длительные перерывы: с августа 1896 г. по сентябрь 1905 г.; с октября 1905 г. по январь 1914 г.; с февраля по декабрь 1914 г.; с марта 1920 г. по январь 1921 г.¹ По примерным подсчетам общий объем рукописи равен 40 условным печатным листам.

Тематика Дневника разнообразна: быт, отношения детей и родственников, описание семейных путешествий, рассказ о событиях художественной жизни (например, о посещениях театра), погодные и пейзажные зарисовки. Однако двумя существенными темами Дневника на протяжении всего времени записей остаются

¹ По архивным делам хронологически материал Дневника распределяется следующим образом: Д. 5691 — с сентября 1889 г. по октябрь 1892 г.; Д. 5692 — с октября 1892 по февраль 1896 г.; Д. 5693 — с сентября по октябрь 1905 г.; Д. 5694 — с января 1914 г. по июнь 1915 г.; Д. 5695 — с августа 1915 г. по ноябрь 1916 г.; Д. 5696 — с ноября 1916 г. по декабрь 1917 г.; Д. 5697 — с декабря 1917 г. по сентябрь 1918 г.; Д. 5698 — с сентября 1918 г. по февраль 1919 г.; Д. 5699 — с февраля по июнь 1919 г.; Д. 5700 — с июня по август 1919 г.; Д. 5701 — с августа 1919 г. по март 1920 г.; Д. 5702 — с января по ноябрь 1921 г.

политическая жизнь, отношения между обществом и властью и историческая наука, отношения внутри корпорации историков. Общественно-политическая, академическая и научно-историческая тематика профессионально и лично привлекали Надежду Николаевну — выпускницу Высших Женских (Бестужевских) курсов. Надежда Николаевна не была просто «замужем» за историком, она являлась в полном смысле слова его соратником и единомышленником. Не были ей чужды и научные занятия: она являлась автором ряда статей, книги о писательнице Н.С.Кохановской (Соханской),² за которую получила Ахматовскую премию Академии наук 1909 г.³ Поэтому неслучайно, что среди часто упоминаемых персонажей Дневника присутствуют, с одной стороны, политики, чиновники и общественные деятели: императоры Александр III и Николай II, императрицы Александра Федоровна и Мария Федоровна, великие князья Константин Константинович (К.Р.) (1858–1915) и Николай Михайлович (1859–1919), Н.П.Боголепов (1846–1901), С.Ю.Витте (1849–1915), И.Л.Горемыкин (1839–1917), И.Д.Десянов (1817–1897), П.Н.Игнатьев (1870–1945), В.И.Засулич (1849–1919), Г.Е.Зиновьев (1883–1936), Л.А.Кассо (1865–1814), А.В.Колчак (1874–1920), Л.Б.Красин (1870–1926), А.В.Кривошеин (1857–1921), А.К.Кривошеин (1833–1902), Н.К.Кульчицкий (1856–1925), В.И.Ленин (1870–1924), А.И.Луначарский (1875–1933), К.П.Победоносцев (1827–1907), Г.Е.Распутин (1864–1916), Д.Б.Рязанов (1870–1938), В.А.Сухомлинов (1848–1926), Л.Д.Троцкий (1879–1940), Б.Н.Чичерин (1872–1936), Б.В.Штюрмер (1848–1917), А.Н.Шварц (1848–1915), И.Г.Щегловитов (1861–1918), Н.Н.Юденич (1862–1933) и др.; с другой стороны — известные ученые-гуманитарии, деятели культуры: К.Н.Бестужев-Рюмин (1829–1897), В.Г.Васильевский (1838–1898), П.Г.Виноградов (1854–1925), М.Горький (1868–1936), И.М.Гревс (1860–1941), Э.Д.Гримм (1870–1940), В.Г.Дружинин (1859–1936), О.А.Добиаш-Рождественская (1874–1939), В.М.Жирмунский (1891–1971), Е.Е.Замысловский (1841–1896), Н.И.Кареев (1850–1931), Л.П.Карсавин (1882–1952), В.О.Ключевский (1841–1911), А.Ф.Кони (1844–1927), И.И.Лаппо (1869–1944), А.С.Лаппо-Данилевский (1863–1919), Н.П.Лихачев (1862–1936), М.К.Любавский (1860–1936), П.Н.Милюков (1859–1943), С.Ф.Ольденбург (1863–1934), М.Н.Покровский (1868–1932), А.Е.Пресняков (1870–

² См.: *Платонова Н.Н.* Кохановская (Н.С.Соханская). 1823–1884: Биографический очерк. СПб., 1909.

³ См.: *Платонов С.Ф.* [Платонова (урожденная Шамонина). Ее биография] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5690. Л. 1–2об.

1929), М.Д.Приселков (1881–1941), В.Р.Розен (1849–1908), М.И.Ростовцев (1870–1952), В.И.Семевский (1848–1916), А.И.Соболевский (1856–1929), В.А.Стеклов (1863/64–1926), Е.В.Тарле (1874–1955), Ф.И.Успенский (1845–1928), Г.В.Форстен (1857–1910), Н.Д.Чечулин (1863–1927), А.А.Шахматов (1864–1920), С.Д.Шереметев (1844–1918), Е.Ф.Шмурло (1853–1935) и др.

Уже один ряд приведенных выше имен, без сомнения, заслуживает того, чтобы Дневник, с одной стороны, стал предметом изучения историографов, с другой — послужил источником по истории российской исторической науки и, даже более широко, — российского общества рубежа XIX–XX вв. и занял достойное место в комплексе известных источников личного происхождения, связанных с деятельностью сообщества историков начала XX в. (мемуары С.Ф.Платонова,⁴ И.М.Гревса,⁵ В.Г.Дружинина,⁶ Н.И.Кареева,⁷ П.Н.Миллюкова,⁸ С.П.Мельгунова⁹ и др., переписка С.Ф.Платонова,¹⁰ М.М.Богословского,¹¹ С.Б.Веселовского,¹² А.С.Лаппо-Данилевского,¹³ письма А.Е.Преснякова к матери и жене,¹⁴ дневники

⁴ Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 104–133; *он же*. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929–1931. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 256–288.

⁵ Гревс И.М. За культуру. Воспоминания // Былое. 1918. №12. С. 42–88.

⁶ Дружинин В.Г. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 167 (В.Г. Дружинин). Оп. 1. Д. 7.

⁷ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / Подгот. текста, вступ. ст. и комм. В.П. Золотарева. Л., 1990.

⁸ Миллюков П.Н. Воспоминания / Сост. и автор вступ. ст. М.Г. Вандалковская. М., 1990. Т. I–II.

⁹ Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники / Сост., прим. и подгот. текста Ю.Н. Емельянова. М., 2003.

¹⁰ См.: Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Миллюков) / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2003; Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками: В 2-х т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2003. Т. I: Письма С.Ф. Платонова. 1883–1930.

¹¹ См.: Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная (научное наследие) / Сост. Л.А. Черная. М., 1987.

¹² Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / Сост. Л.Г. Дубинская, А.М. Дубровский. М., 2001.

¹³ Письма А.С. Лаппо-Данилевского Е.Д. Лаппо-Данилевской / Публ. и комм. В.П.Корзун // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 390–409.

¹⁴ См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 1–10; Пресняков А.Е. Письма к матери 1898–1899 гг. / Вступ. ст. и комм. Т.Н. Жуковской // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2001. Вып. 2. С. 304–348; Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневник. 1889–1927 / Рук. проекта и отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2005.

Ю.В.Готье¹⁵ и др.). Пока, однако, ни в довольно многочисленной литературе, посвященной С.Ф.Платонову,¹⁶ ни в других исследованиях по истории исторической науки и общества этого периода данный источник практически не использовался. Исключением является труд А.В.Макушина и П.А.Трибунского,¹⁷ посвященный П.Н.Милюкову, где задействованы отдельные показания Дневника за 1890-е гг.¹⁸

Приступая к характеристике Дневника, прежде всего, следует остановиться на стиле изложения автора. Во-первых, обращают на себя внимание постоянные разъяснения деталей, которые автору были не просто известны, а должны были восприниматься как само собой разумеющиеся, — деталей, связанных с именами детей, местоположением собственного дома и т.п. Во-вторых, автор явно неоднократно возвращался к написанному, внося изменения уточняющего характера в текст (например, в характеристике ученых заслуг историков, описании внутриуниверситетских взаимоотношений, политических интриг и т.п.) — исправляя детали события, заменяя эпитеты и т.п. В-третьих, к ряду сюжетов автор возвращался многократно, как бы продолжая уже начатое описание (при этом в некоторых случаях одно событие последовательно описывается в двух и более записях). В-четвертых, значительная часть записей строится по заранее определенному плану, кратко обозначенному на полях Дневника (как правило, карандашом). В-пятых, в ряде случаев рядом с описанием определенного эпизода стоит (по-видимому, авторский) знак вопроса (каранда-

¹⁵ Готье Ю.В. Мои заметки // ВИ. 1991. № 6–10.

¹⁶ См.: Шмидт С.О. Доклад С.Ф. Платонова о Карамзине и противоборство историков // АЕ за 1992 г. М., 1994; *он же*. Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы «Петербург–Москва» // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 533–537; *он же*. Сергей Федорович Платонов (1860–1933) // Портреты историков: Время и судьбы: В 2-х т. М.–Иерусалим, 2000. Т. 1: Отечественная история. С. 100–135; Цамутали А.Н. Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов // Историки России. XVIII–начало XX века. М., 1996. С. 538–552; Брачев В.С. А.Е. Пресняков, С.Ф. Платонов и петербургская историческая школа. Ответ М.Б. Свердлову (1996) // Брачев В.С. Русский историк А.Е. Пресняков (1870–1929). СПб., 2002. С. 72–83; *он же*. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001; *он же*. Русский историк С.Ф. Платонов. Ученый. Педагог. Человек. 2-е изд. СПб., 1997 и др.

¹⁷ П.А. Трибунский привлек и наше внимание к этому источнику, за что мы выражаем ему искреннюю благодарность.

¹⁸ Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001. С. 61 и др.

шом). В-шестых, в тексте некоторых записей оставлены свободные строки после изложения определенного сюжета, по всей вероятности, для дополнений (в большинстве своем эти пропуски, по-видимому, заполнялись, о чем свидетельствует наличие в тексте мест записанных более сжатым почерком, иногда другими чернилами).

Характерно, что за исключением крайне редких случаев в первой тетради Дневника, где Н.Н.Платонова называет мужа «Сережей», в дальнейшем она именует его только по имени и отчеству: «Серг. Фед.» или «С.Ф.». Хорошо знакомые Платоновым люди и даже ближайшие друзья семьи (В.Г.Дружинин, Н.Д.Чечулин и др.), как правило, в начале очередной записи приводятся с указанием имени, отчества и фамилии. Таким образом, уже стилистика Дневника наводит на мысль, что он писался Н.Н.Платоновой явно в расчете на стороннего читателя.

Отсутствие в Дневнике всякого намека на рассказ о семейных проблемах или переживаниях личного характера подтверждает это наблюдение. Важным обстоятельством, которое следует учитывать, рассматривая Дневник, является то, что писался он Н.Н.Платоновой в значительной степени на основании информации, сообщаемой мужем. По крайней мере, абсолютное большинство сюжетов, связанных с характеристикой научной жизни, изложено со слов С.Ф.Платонова.

Другим важным источником информации были еженедельные приемы Платоновых — «среды», где собирались коллеги и ученики С.Ф.Платонова, также, как правило, разделявшие и взгляды хозяина. Суждения и оценки мужа, за исключением единичных случаев, полностью поддерживаются Н.Н.Платоновой. Характерно, что, рассказывая о мечтах и планах мужа, Н.Н.Платонова довольно часто употребляет множественное местоимение «мы». Таким образом, можно предположить, что Дневник в значительной степени отражал академические, личные и общественно-политические предпочтения не только (и не сколько) его непосредственного автора, но во многом и, Сергея Федоровича Платонова и составлялся, по крайней мере отчасти, как его жизнеописание, предназначенное для потомства. В то же время следует учитывать, что текст Дневника все же не подвергался автором специально литературной отделке — в Дневнике присутствуют лексические и стилистические «несогласованности», элементы разговорной речи. Это видно при цитировании отдельных мест Дневника и в настоящем обзоре. При передаче текста Дневника сохраняется (за исключением очевидных описок и случайных ошибок) орфография и пунктуация автора.

Итак, особенно важный для нас сюжет Дневника— историческая наука, отношения между историками. С.Ф.Платонов в литературе считается главой «петербургской исторической школы»,¹⁹ которая обычно противопоставляется «московской исторической школе».²⁰ Общим отличием школ традиционно называют приоритет в Петербурге источниковедческого, а в Москве— социологического подхода к историческому знанию. Хотя мы и не встречали в Дневнике столь отчетливо и резко выраженной точки зрения, общий тон характеристики московских ученых не противоречит такому утверждению.

С этой точки зрения, наиболее показательно описание Н.Н.Платоновой известной рецензии на книгу ученика К.Н.Бестужева-Рюмина, С.М.Середонина,²¹ под названием «Сочинение Джильса Флетчера «Of the russe common wealth» как исторический источник»,²² написанной П.Н.Милюковым.²³ В этой рецензии ярко проявилось отношение П.Н.Милюкова к методологии научной работы петербургской школы, когда он обвинил петербургских историков, сосредоточенных на «источниковедческих и историографических» темах, в односторонности, высказав мнение вполне в духе школы В.О.Ключевского о том, что «критическая оценка источника (*речь шла об упомянутом исследовании С.М.Середонина— Е.Р.*) должна не предварять реальное изучение, а быть выводом из него или, по крайней мере, идти с ним об руку».²⁴ Посчитав, что «среди самих последователей школы уже заметно сознание односторонности изображенного направления и делаются попытки вернуться к реальному изучению», неудачу сочинения С.М.Середонина П.Н.Милюков связал с тем, «что старая

¹⁹ Цамутали А.Н. Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов. С. 538–552.

²⁰ Апаньич Б.В., Панеях В.М. О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105–118.

²¹ Середонин Сергей Михайлович (1860–1914) — историк, приват-доцент Петербургского университета.

²² Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891.

²³ [Милюков П.Н.] Рец. на кн.: Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891 // Русская мысль. 1892. № 2. Библиографический отдел. С. 64–66.

²⁴ Там же. С. 64–66. Ср.: Трибунский П.А. П.Н. Милюков о петербургской исторической школе // История дореволюционной России: мысль, события, люди: Сборник научных трудов кафедры Древней и средневековой истории Отечества. Рязань, 2001. Вып. 1. С. 5–12.

закваска школы не совсем выдохлась и продолжает оказывать вредное влияние на исследователей, это особенно ярко видно на примере разбираемого исследования».²⁵

Вот как отреагировала на такую постановку вопроса о «школах» Н.Н. Платонова (запись 28 февраля 1892г): «В этой (февраль 1892 г.— *Е.Р.*) [...] книжке Русск[ой] Мысли помещена очень странная рецензия Милюкова на книгу Середонина, которая (книга) якобы доказывает, что петерб[ургская] школа (историческая) раскаялась в своих прежних заблуждениях и решила обратиться на путь истинный. Васильевский и С[ергей] Ф[едорович] недовольны этой рецензией» (Л.90—90об.). Отметим, что в последующих высказываниях П.Н. Милюкова именно С.Ф. Платонова он относил к новому поколению петербургской школы, отчасти перенявшей московские традиции.²⁶ С.Ф. Платонов же, напротив, предпочитал ощущать себя главой школы «восстановления прав источника и факта», полностью разделив такую характеристику «петроградской исторической школы», данной в 1918г. его учеником А.Е. Пресняковым.²⁷

Впрочем, публично в 1890—1900-е гг. С.Ф. Платонов действительно старался выступать в роли дипломата в отношениях между двумя школами. Примечательна в этой связи запись с описанием банкета после диспута П.Н. Милюкова: «Интересна еще речь, произнесенная Виноградовым, о единении университетов и исчезновении провинциализма. Это было сказано им после какой-то речи Мякотина,²⁸ произнесенной за другим столом, в другой комнате (что-то о разнице в направлении петербургского и московского ун[иверситето]в). С[ергей] Ф[едорович] очень горячо отвечал на речь В[иноградо]ва, говоря, что в П[етер]б[урге] знают и чтут моск[овски]х ученых. На это Вин[оградо]в сказал, что и они знают нашего Васильевского» (20 мая 1892г., Л.120—120об.). Неслучайно, впоследствии П.Н. Милюков характеризовал С.Ф. Платонова как опытного царедворца, «умного и осторожного».²⁹

Большинство замечаний о «москвичах», сделанных в Дневнике, носят, однако, характер скорее зарисовок, а не размышлений о методах науки. Приведем некоторые наиболее любопытные—

²⁵ См.: [Милюков П.Н.] Указ. соч. С. 65.

²⁶ См.: Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 161—163.

²⁷ См.: Платонов С.Ф. Ред. на кн.: Пресняков А.Е. Образование Великолукского государства. Очерки по истории XIII—XV ст. Пг., 1918 // Международная политика и мировое хозяйство. 1918. Кн. 8. С. 99—100.

²⁸ Мякотин Венедикт Александрович (1867—1937) — историк, публицист.

²⁹ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 162.

например, запись, сделанную 20 апреля 1892г. со слов М.А.Дьяконова³⁰ (в это время друга семьи Платоновых) и Л.Н.Майкова³¹: «Интересны воспоминания Дьяконова о его московских впечатлениях: в Москве правление монархическое; всякий кружок кому-нибудь поклоняется: Милюков Виноградову, Сторожев³² (очень несимпатичный, по мнению Дьяконова, человек) Милюкову и т.д. Все москвичи очень злы на язык (а, может быть, и в другом отношении, прибавляет Дьяконов), очень резки, но в своих отзывах о Петербурге они при Дьяконове очень осторожны. Самолюбивы они до чертиков. Интересен отзыв Л.Н.Майкова о московских ученых, высказанный им недавно в разговоре с С[ергеем] Ф[едоровичем]: они любят выставить себя либералами и склонны упрекать петерб[ургских] ученых в «падении до ног» перед сильными мира сего, но едва появляются сюда, как немедленно начинают усерднейшим образом обивать пороги этих сильных» (Л.107об.—108об.).

В Дневнике присутствуют имена многих московских ученых: В.О.Ключевского, А.И.Кизеветтера, М.М.Богословского, А.И.Яковлева, В.И.Герье, Д.М.Петрушевского и др. В первой части Дневника (1890-е гг.) чаще других московских имен упоминается имя П.Н.Милюкова— эти показания Дневника уже использовались в литературе.³³ В основном речь идет о сюжетах, связанных с «гонениями» на П.Н.Милюкова со стороны В.О.Ключевского,³⁴ изданием диссертации П.Н.Милюкова в «Журнале министерства народного просвещения» /ЖМНП/ (редактируемом С.Ф.Платоновым), подготовкой П.Н.Милюковым отзыва на монографию А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве».³⁵ От благожелательных оценок

³⁰ Дьяконов Михаил Александрович (1855–1919) — историк, академик (с 1905 г.).

³¹ Майков Леонид Николаевич (1839–1900) — историк литературы, академик (с 1889 г.), вице-президент Академии наук (1893–1900).

³² Сторожев Василий Николаевич (1866–1924) — историк, сотрудник Московского архива Министерства юстиции.

³³ Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). С. 61 и др.; Ростовцев Е.А. Реп. на кн.: Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни // Клио. Журнал для ученых. 2003. №1 (20). С. 237.

³⁴ Об отношениях С.Ф.Платонова с В.О.Ключевским см.: Цамутали А.Н. В.О.Ключевский и петербургские историки // Ключевский. Сборник материалов. Пенза. 1995. № 1. С. 282–289; Ростовцев Е.А. В.О. Ключевский и историки петербургской школы (С.Ф.Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, А.Е. Пресняков) // В.О.Ключевский и проблема российской провинциальной культуры и историографии. Материалы научной конференции. Пенза, 25–26 июня 2001 г. М., 2005. Кн. 1. С. 340–370.

личности московского историка в 1889–1892 гг. (когда П.Н.Милюков тесно сблизился с С.Ф.Платоновым) Н.Н.Платонова быстро переходит к суждениям иного характера. В записи 20 апреля 1892 г. читаем: «из рассказов Дьяконова как-то разом и С[ергею] Ф[едоровичу] стало ясно, что Милюков — неискренний человек, что он способен не только не говорить того, что он думает, но даже и говорить то, чего он не думает» (Л.108).

В записи 3 июня того же года Н.Н.Платонова уже от собственного имени высказывает сомнения в том, «искренний» ли человек Милюков (Л.126об.). А через полгода (3 января 1893 г.) явно с удовлетворением описывает суждение А.С.Лаппо-Данилевского по поводу П.Н.Милюкова: «Вчера у Вас[илия] Гр[игорьевича] [Дружинина] был раут, по случаю его именин, был там и Лаппо-Данилевский, который, в разговоре о Милюкове, назвал его глупым и прямо дураком за его речь на диспуте, ответ на рецензию Безобразова³⁶ и, наконец, за его академическую рецензию на книгу Л[а]п[по-]Дан[илевско]го» (Л.9об.–10). В дальнейшем П.Н.Милюков упоминается, прежде всего, в связи с политическими гонениями на него и помощью, которую пытался ему в этой ситуации оказать С.Ф.Платонов. После 1905 г. в Дневнике упоминаний о П.Н.Милюкове практически нет — слишком разошлись политические взгляды и жизненные пути его и С.Ф.Платонова. Отдельные упоминания фамилии П.Н.Милюкова явно носят саркастический характер. В качестве примера приведем отрывок из записи 9/22 февраля 1919 г.: «В настоящие дни в Париже как раз должен обсуждаться вопрос о наших внутренних делах. Тарле говорит, что ему страшно подумать об этом, т[ак] к[ак], к его величайшему сожалению, Павлуша Милюков сейчас в Париже (а ведь в газетах было известие, что его оттуда выслали!); умный человек, а никогда не делал ничего кроме глупостей» (Л.6).

Вообще, судя по Дневнику, после 1905 г. наиболее близкие отношения среди московских историков у С.Ф.Платонова складываются с консервативным М.К.Любовским. М.К.Любовский по приезде в Петроград, где он бывал часто по делам Московского университета (ректором которого являлся в 1911–1917 гг.), мно-

³⁵ См.: Милюков П.Н. Воспоминания. С. 162; и др. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892. Ред. на кн.: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890; Отчет о XXXIII присуждении награды графа Уварова. СПб., 1892.

³⁶ Безобразов Павел Владимирович (1859–1918) — историк-византист, в 1888–1892 гг. приват-доцент Московского университета.

гократно бывал в доме Платоновых, где мог безбоязненно «ответить душу» по поводу московских либералов. Особенно «доставалось» П.Г.Виноградову. Приведем, например, запись 30 января 1915 г.: «Как не любит Л[юбав]ский П.Г.Виноградова; по его словам, в нем удивительная смесь какого-то англоманского грансеньерства и мелкого торгашества. В 1905 г. он ушел из Ун[иверсите]та и отправился в Англию, где у него, говорят, собственное поместье, и где жить ему не хуже, если не лучше, чем дома; Л[юбав]ский, тогда Секретарь фак[ультете]та, много возился с его делом, оформляя его уход; затем В[иноградо]в опять вернулся в Моск[овский] Ун[иверсите]т и в 1912 г. опять «сделал красивую позу» и опять отправился в Англию; с Л[юбавски]м, тогда уже ректором, он не простился, выражая этим, очевидно, свое негодование по поводу того, что Л[юбав]ский не примкнул к профессорам, ушедшим из Ун[иверсите]та, но это не помешало ему много раз говорить по телефону с Л[юбавски]м насчет того, чтобы ему получать не половинную пенсию (1200 р.), а полную (2400р.)» (Л.18—18об.).

«Москвичи» продолжают присутствовать на страницах Дневника и в послереволюционное время. Основная тема, касающаяся московской науки, — неумение москвичей поставить себя по отношению к властям. Показательна в этом смысле запись 14/27 декабря 1918 г.: «Москвичи, по-видимому, не сумели поставить себя по отношению к Рязанову, не умели давать ему отпор, когда нужно, вследствие этого он там держится падишахом, даст волю своей нервности, непрерывно «разносит» кого-нибудь — в результате все запуганы и ненавидят его всеми фибрами своего существа; конечно, это совершенно понятно; грустно только, что они как будто больше заняты своей ненавистью, чем своим непосредственным делом и этим подают, м[ожет] б[ыть], Ряз[ано]ву лишней раз повод для доносов. Николаеву³⁷ показалось, что москвичам не понравилась позиция Преснякова по отношению к Рязанову: и в прошлое пребывание Пр[есняко]ва в Москве там нашли, что он слишком сблизился с больш[евика]ми, а этот раз это мнение, по-видимому, только окрепло, т[ак] к[ак] Пр[есняко]в находится в добрых отношениях с Рязановым» (Л.55об.—56). Впрочем, у Н.Н.Платоновой находятся слова и для «оправдания» москвичей. В записи 29 сентября/12 октября 1921 г. читаем: «На только что бывшем в Москве Архивном Съезде отношения между

³⁷ Николаев Александр Сергеевич (1877 — не ранее 1934) — начальник Архива Министерства народного просвещения.

Моск[овскими] и П[етерб]ургскими учеными были шероховаты: Моск[овские] ученые гораздо сильнее здешних страдают от гнета сов[етского] правительства и потому не могут спокойно работать, а вносят всюду оппозиционное по отношению к сов[етской] власти настроение; здешние же ученые отнеслись к Моск[овскому] съезду исключительно с точки зрения научной работы— отсюда некоторые взаимные неудовольствия» (Л.39об.—40). И все же тема «московской науки» в Дневнике второстепенна, куда большее внимание уделяется отношением внутри «корпорации петербургских историков».

Из старшего поколения «петербургской школы» в 1889–1890-е гг. основными персонажами, действующими на страницах Дневника являются В.Г.Васильевский (безусловный лидер «петербургской школы» 1880–1890-х гг., профессор всеобщей истории и начальник С.Ф.Платонова по редакции ЖМНП), Е.Е.Замысловский (его предшественник на кафедре русской истории в университете) и К.Н.Бестужев-Рюмин (первый научный руководитель диссертации С.Ф.Платонова).

Судя по дневниковым записям Н.Н.Платоновой из старшего поколения наиболее тесные отношения у ее мужа сложились с В.Г.Васильевским. В.Г.Васильевский активно поддерживает С.Ф.Платонова в начальные годы его профессорства, по его приглашению даже принимает участие в заседаниях возглавляемого С.Ф.Платоновым «Кружка русских историков» (см.: записи 18 февраля 1891 г., Л.45; 10 февраля 1892 г., Л.87). Но В.Г.Васильевский исполнял роль куратора не только С.Ф.Платонова, но и других питомцев школы, и здесь их интересы могли сталкиваться. Так, например, вопреки желанию С.Ф.Платонова, он добивается того, чтобы Е.Ф.Шмурло, а не П.Н.Милюкову досталась кафедра русской истории в Юрьевском университете (31 января 1891 г., Л.39; 18 февраля 1891 г., Л.45). В.Г.Васильевский также всячески поддерживал деятельность в университете другого оппонента С.Ф.Платонова — А.С.Лаппо-Данилевского. В частности, он способствовал своим авторитетом образованию под руководством А.С.Лаппо-Данилевского в 1894 г. «Студенческого научно-литературного общества» («Бесед по проблемам факультетского преподавания»),³⁸ на учредительное заседание которого С.Ф.Платонов не пришел (см. запись 1 декабря 1894 г., Л.64об.), и, что самое неприятное (для Н.Н.Платоновой), помог избранию А.С.Лаппо-Данилевско-

³⁸ См.: Ростовцев Е.А. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский в Петербургском университете // Из истории России. Сборник статей. СПб., 2003. С. 60–61.

го в Академию наук в обход С.Ф.Платонова (запись 28 января/10 февраля 1919 г., Л.88об.). По словам Н.Н.Платоновой, В.Г.Васильевский, так же как и с А.С.Лаппо-Данилевским, «носился» с С.Ф.Ольденбургом (еще одним «недругом» С.Ф.Платонова), обеспечивая и его карьеру в Академии (23 января 1916 г., Л.72; 28 января/10 февраля 1919 г., Л.88об.), а также со своим учеником И.М.Гревсом (15 февраля 1916г., Л.94об.—95об. и др.).³⁹ Другой повод недовольства семьи Платоновых В.Г.Васильевским— это работа под его руководством в ЖМНП, которая после обретения С.Ф.Платоновым кафедры казалась все более хлопотной и малоинтересной (см.: 30 сентября 1891 г., Л.62об.; 14 октября 1891г., Л.65—66; 15 ноября 1891 г., Л.71об.—72; 10 августа 1892г., Л.140об.; 31 декабря 1894 г., Л.72об. и др.).

Начало Дневника пришлось на 1889—1891 гг.— годы, переломные в научной карьере С.Ф.Платонова. В 1890г. он был назначен заведующим кафедрой русской истории. Как известно, основным ходатаем за С.Ф.Платонова после того, как в 1890г. заболел Е.Е.Замысловский, выступил В.Г.Васильевский. Перед этим Н.Н.Платонова болезненно воспринимала положение, создавшееся в августе 1890 г. Поведение Е.Е.Замысловского, который никак не хотел уходить, характеризовалось ею в весьма резких выражениях— она так писала о нем 27 августа: «Он верит в свое полное выздоровление, не думает об отставке и берет на себя магистерские экзамены, диспуты и присутствие на советах; общего курса он никакого читать не будет: зачем брать на себя такое тяжелое бремя (его собственные слова). Это бремя всецело ляжет на С[ергея] Ф[едоровича], который понесет на себе, таким образом, главную тяжесть профессорских обязанностей и за это получит 800 р. в год, гонорар и звание приват-доцента, а Зам[ысловск]ий за магистерские экзамены, диспуты и присутствие на советах, т.е. за легчайшую лаковую сторону работы будет носить звание профессора и получать 3000 р. В наших глазах это чистейшая эксплуатация чужого труда» (Л.10—10об.).⁴⁰ Примечательно, что

³⁹ Об отношениях С.Ф. Платонова и И.М. Гревса см.: *Свешников А.В., Корзун В.П., Мамонтова М.А.* «Жизни наши... протекли... врозь» (из истории взаимоотношений И.М. Гревса и С.Ф. Платонова) // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* М., 2004. № 12. С. 313—332.

⁴⁰ О ситуации, связанной с отставкой Е.Е. Замысловского и двойственным положением С.Ф. Платонова см., например, письмо самого С.Ф. Платонова М.М. Дьяконову: С.Ф. Платонов — М.А. Дьяконову, 26 декабря 1889 г. // *Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками: В 2-х т. / Отв. ред. С.О. Шмидт.* М., 2003. Т. I: Письма С.Ф. Платонова. 1883—1930. С. 28—29.

на следующий день Е.Е.Замысловский сообщил С.Ф.Платонову, что «дольше 1-го января я ни в коем случае не останусь», обещая употребить все усилия для того, чтобы его, С.Ф.Платонова, назначили на освободившееся место (Л.12об.). Однако Н.Н.Платонова слегка успокоилась только 29 августа, узнав от А.С.Лаппо-Данилевского, что «Замысловский действительно выходит в отставку» (Л.13). Впрочем, недовольное отношение к больному профессору чувствуется еще некоторое время. В записи 2 сентября читаем: «Вечером мы были у Зам[ысловски]х; он вчера подал в отставку, производит очень жалкое впечатление» (Л.14). Далее, вплоть до самой кончины Е.Е.Замысловского, находим упоминания о нем, касающиеся главным образом его болезни, и, в частности (28 февраля 1892 г.), пожелание, чтобы «смерть поскорее избавила Замысловского от мучений» (Л.89об.—90). Она и избавила, хотя и не сразу— Е.Е.Замысловский скончался только в 1896 г.

Отношения с К.Н.Бестужевым-Рюминым, который, хотя и оставил кафедру русской истории в 1884 г., но не порывал связи с университетом, судя по Дневнику, носили двойственный характер. К.Н.Бестужев-Рюмин был основным наставником С.Ф.Платонова по русской истории, его научным руководителем. В Дневнике есть многочисленные упоминания о взаимных посещениях «домов» друг друга. В качестве примера приведем запись 8 октября 1890 г.: «Вечером мы были у Бест[уже]ва[-Рюмина] [] Б[естуже]в[-Рюмин] был очень оживлен, и вообще его эту зиму узнать нельзя; так он ободрился и оживился. А все избрание в Академию!» (Л.24—24об.). Посещения дома К.Н.Бестужева-Рюмина были интересны еще и потому, что здесь бывала элита старшего поколения: Л.Н.Майков, С.Д.Шереметев, А.Ф.Бычков⁴¹ и др. В то же время, Н.Н.Платонова (10 августа 1892 г.) с горечью отмечает отрицательное отношение Бестужева-Рюмина к С.Ф.Платонову за то, что тот преградил дорогу его ученикам (Л.139об.—140), прежде всего, Е.Ф.Шмурло.⁴²

Судя по Дневнику, из других ученых старшего поколения, по-видимому, наиболее тесные отношения сложились у С.Ф.Платонова с академиком Л.Н.Майковым, который сочувственно относился к молодому коллеге, часто бывал у него в гостях, посе-

⁴¹ Бычков Афанасий Федорович (1818—1899) — историк, академик (с 1866 г.).

⁴² Для характеристики отношения семьи Платоновых к К.Н. Бестужеву-Рюмину интересна их переписка, см.: Письма Н.Н. Платоновой и С.Ф. Платонова [К.Н. Бестужеву-Рюмину] // Малинов А.В. К.Н. Бестужев-Рюмин: очерк теоретико-исторических и философских взглядов. СПб., 2005. С. 198—212.

шал по его приглашению «русских историков». Интересен один из анекдотов, доверительно поведанный Л.Н.Майковым С.Ф.Платонову и отраженный в Дневнике (14 февраля 1891 г.): «Майков, [...] рассказывал Сереже, что они (он, Замысловский, П.Полевой⁴³ и др.) выделявали в свое время: во время празднования магистерского диспута З[амысловско]го устроили кулачный бой по инициативе Полевого, к[ото]рый уверял, что это очень интересная забава, и разбили друг друга в кровь, затем ходили по очереди объясняться в любви квартирной хозяйке З[амысловско]го, затем возвращались домой пешком, причем кто-то улегся отдыхать в колоду. Вот в то-то время З[амысловски]й, по словам Майкова, и допрыгался до сифилиса, который явился причиной его настоящей болезни» (Л.42об.—43).

Среди недругов С.Ф.Платонова из старшего поколения можно назвать другого академика— Е.Р.Розена (кстати, учителя С.Ф.Ольденбурга), который обвинял С.Ф.Платонова в том, что тот много под себя «подмял» (3 июня 1892 г., Л.125об). В Дневнике содержится и ряд критических зарисовок об ученых поколения Майкова и Розена. Персонажем одной из них стал П.В.Никитин. Вот что писала Н.Н.Платонова о его «карьеризме» в октябре 1890 г.: «Ламанский⁴⁴; он удивляется, зачем Никитин⁴⁵ принял ректорство; единственный на всю Россию удачный филолог-грек, академик, человек вполне обеспеченный, добровольно отказывается от науки ради видного положения; после этого немцы с полным правом могут говорить: к чему избирать в Академию русских, когда они ради лишнего ордена готовы бросить науку. По мнению Ламанского, положение Никитина не из легких: один Сергеевич⁴⁶ способен отравить ему жизнь. Вообще, профессора неодобрительно смотрят на Н[икити]на: Лаппо-Данилев[ск]ий предсказывает, что профессора не будут ходить к нему, как не ходили к Владиславлению⁴⁷» (28 октября 1890 г., Л.31—31об.). Критически относился С.Ф.Платонов (соответственно и автор Дневника) и к административной деятельности А.Ф.Бычкова на посту

⁴³ Полевой Петр Николаевич (1839—?) — историк литературы, профессор русской словесности.

⁴⁴ Ламанский Владимир Иванович (1833—1914) — славист, академик (с 1900 г.).

⁴⁵ Никитин Петр Васильевич (1849—1916) — филолог-классик, академик (с 1888 г.), вице-президент Академии наук (1900—1916).

⁴⁶ Сергеевич Василий Иванович (1832—1910) — историк, профессор Петербургского университета.

⁴⁷ Владиславльс Михаил Иванович (1840—1890) — философ, профессор Петербургского университета.

председателя Археографической комиссии (см., напр.: 12 декабря 1893 г., Л.32–33). Постоянно подвергался критике на страницах Дневника Д.И.Иловайский,⁴⁸ научный оппонент С.Ф.Платонова. Пожалуй, в его адрес высказываются наиболее резкие по тону замечания. В качестве примера процитируем, запись января 1891 г.: «Какой нечистоплотный человек Иловайский в нравственном и научном отношениях!» (29 января 1891 г., Л.39).

В Дневнике в полной мере нашла отражение и борьба, которая велась уже в рамках следующего поколения «петербургской школы» — между Кружком русских историков, возглавлявшимся С.Ф.Платоновым, и так называемым «Ольденбургским кружком». Формирование обоих кружков проходило еще в рамках основанного в 1882 г. по инициативе А.Ф.Гейдена «Студенческого научно-литературного общества». Общество возглавлялось профессором О.Ф.Миллером. Активными членами Общества стали студенты С.Ф.Платонов, А.С.Лаппо-Данилевский, И.М.Гревс, С.Ф.Ольденбург, В.И.Вернадский, Н.М.Дружинин, Д.И.Шаховской, Н.Д.Чечулин, Е.Ф.Шмурло и другие в будущем знаменитые ученые.⁴⁹

Особое значение в жизни Историко-филологического факультета сформированные в недрах Общества кружки приобрели в 1887 г., когда официальное Научно-литературное общество было закрыто. Кружок русских историков возник в среде старшего поколения участников Научно-литературного общества. Он вырос из числа студентов, посещавших еще «вторники» К.Н.Бестужева-Рюмина и «среды» Е.Е.Замысловского.⁵⁰ Ольденбургский кружок (и родственное ему «Приютинское братство») более связан с поколением середины 1880-х гг.⁵¹ Если Кружок русских историков по преимуществу занимался научными проблемами, то Оль-

⁴⁸ Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920) — историк России.

⁴⁹ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 59; он же. За культуру. Воспоминания. С. 82. См.: Отчеты по С-Петербуржскому университету за 1882–1885 гг. СПб., 1883–1885.

⁵⁰ Дружинин В.Г. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 167 (В.Г. Дружинин). Оп. 1. Д. 7. Л. 42. См.: Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. С. 225.

⁵¹ Подробнее см.: Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души)... С. 58–59. О роли А.С. Лаппо-Данилевского в Ольденбургском кружке см.: Корзун В.П. Невостробованное наследие (Материалы по истории науки в архиве А.С. Лаппо-Данилевского) // АБ за 1994 г. М., 1996. С. 257–258. Вообще, о «Приютинском братстве» и об обширной литературе, посвященной ему, см.: Шаховской Д.И. Письма о братстве / Публ. Ф.Ф.Перченка, А.Б.Рогинского, М.Ю.Сорокина // Звенья: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 175.

денбургский кружок был скорее дружеским союзом единомышленников, чем ученым обществом. Хотя оба кружка отчасти возникли как реакция на стремление политизировать Научно-литературное общество оппозиционно настроенными студентами во главе с А.И.Ульяновым,⁵² их политическая окраска была разная: Кружок русских историков склонялся к умеренному консерватизму, тогда как Ольденбургский кружок посещали либеральные интеллектуалы. Лидерами Кружка русских историков были С.Ф.Платонов, И.А.Шляпкин⁵³ и В.Г.Дружинин, а в «Приютинском братстве» главенствовали С.Ф.Ольденбург, Д.И.Шаховской и И.М.Гревс. Таким образом, к моменту начала дневниковых записей обе группы уже сформировались, но решительный разрыв и начало противостояния между ними можно отнести к первой половине 1890-х гг. С этим, в частности, следует связать и постепенный отход от «русских историков» А.С.Лаппо-Данилевского, который вначале посещал оба кружка.⁵⁴ Это «противостояние» и «уход» А.С.Лаппо-Данилевского и нашли отражение в Дневнике.

О последнем «дружеском» заседании Кружка Н.Н.Платонова пишет 5 сентября 1890 г. (Л.15об.) — А.С.Лаппо-Данилевский, Н.М.Бубнов, В.Г.Дружинин и другие «русские историки» собрались у С.Ф.Платонова. Однако уже в начале 1891 г. ситуация меняется. В записи, сделанной 14 февраля 1891 г., читаем: «В этот же день [7 февраля] был обед русских историков у Донона⁵⁵; Лаппо-Данилевский не был, как, он потом говорил Сереже, что отдал в тот день свое пальто в починку портному. Основательная причина! После этого обседа Чечулин, Средонин, Бубнов, Шляпкин и Шмурло взяли тройку и поехали в Озерки, причем достаточно выпили, особенно Шмурло» (Л.42об.).

27 октября 1891 г. Н.Н.Платонова записывает в Дневнике: «было собрание историков у нас; Лаппо-Дан[илевски]-й не был и потом, при свидании с С[ергеем] Ф[едоровичем] даже не счит нужным объяснить, почему он не был» (Л.67). О следующем заседании «русских историков» находим в Дневнике запись, дати-

⁵² Ульянов Александр Ильич (1866–1887) — русский революционер, народо-волец, старший брат В.И. Ленина (Ульянова).

⁵³ Шляпкин Илья Александрович (1858–1918) — литературовед, член-корреспондент Академии наук (с 1907 г.).

⁵⁴ *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сборник научных работ. СПб., 1999. Вып. 1. С. 130.

⁵⁵ Имеется в виду ресторан «Донон» во дворе дома № 24 по набережной р. Мойки.

рованную 9 января 1892 г.: «2-го на собрании историков (годовом), перенесенном к нам по просьбе Вас[илия] Гр[игорьевича] [Дружинина] Лаппо-Данилевский не был, что было замечено всеми. Накануне он был у Вас[илия] Гр[игорьевича], которому он потом объяснял, что не был у нас 2го случайно, и что боится, как бы из этого не вышло истории. С[ергей] Ф[едорович] очень всем этим раздражен, а мне только грустно думать, что у нас с Лаппо-Дан[илевским] образовались какие-то натянутые отношения без всякого повода с нашей стороны» (Л.81об.—82).

Вскоре отношения расстраиваются еще больше. 2 февраля 1891 г. состоялся магистерский диспут С.М.Середонина (который защищал упомянутую выше работу о сочинении Д.Флетчера «О государстве русском»), активного участника Кружка русских историков. Официальными оппонентами С.М.Середонина выступили С.Ф.Платонов и А.С.Лаппо-Данилевский. Судя по записям Н.Н.Платоновой, «кружковой солидарности» А.С.Лаппо-Данилевский не проявил. 10 февраля 1892 г. она так описывает диспут С.М.Середонина: диспут затянулся «благодаря, главным образом, второму официальному оппоненту Лаппо-Данилевскому, говорившему 1 ч. 40 минут. С[ергей] Ф[едорович] говорил около часа. С[ергей] Мих[айлович], по-моему, держался слишком скромно и неуверенно. Возражения Л[ап]п[о]-Дан[илевско]го всех угомили; они касались, главным образом, того, чего в книге С[ергея] Мих[айловича] нет, но что, по мнению Л[ап]п[о]-Дан[илевско]го, должно было в ней быть (напр[имер] генеалогия Флетчера) [...] в среду были у нас курсистки [...] С диспута С[ергея] Мих[айловича] они вынесли такое впечатление, что Л[ап]п[о]-Дан[илевский]— человек с большим самолюбием» (Л.85об.—86).

В той же записи 10 февраля 1892 г. Н.Н.Платонова отмечает: «8го состоялся у Донона обед русских историков (кроме Л[ап]п[о]-Дан[илевско]го, который в прошлом году не был и которого поэтому в этом году и не приглашали); присутствовали Васильевский и Майков» (Л.86об.—87).

В записях марта 1892 г. читаем: «Вчера читал в университете публичную лекцию Лаппо-Данилевский на тему: «Важнейший иноземный фактор в образовании древнерусской культуры (христианство)». Посторонней публики было мало, студентов много— всего народу около 100 человек. Рождественский передавал С[ергею] Ф[едоровичу], что лекция его не удовлетворила: она была де очень элементарной и годилась бы[неразб.] для общего курса русской истории, читасмого 1му курсу» (20 марта 1892 г., Л.98—98об.); «В последнюю среду курсистки говорили, что тон возражений и самые возражения Лаппо-Данилевского на диспуте Середо-

нина очень не понравились большинству публики, которое было на стороне Середоина. Удивительно, как часто Л[ап]п[о]-Дан[илевский] вредит себе сам своей манерой держаться!» (31 марта 1892 г., Л.100об.).

Эту тему Н.Н.Платонова развивает в записи, сделанной осенью того же года: «дурно поставил себя в Фил[ологическом] инст[иту]те Лаппо-Данилевский; его там не любят; особенно возманил он против себя своим отказом прочесть о Сергии по случаю 500-летней годовщины со времени его кончины. Я не понимаю, что заставило его отказаться. Затем недавно Форстен передавал С[ергею] Ф[едоровичу], что студенты ун[иверсите]та недовольны отношением Лаппо-Дан[илевско]го к ним: они де не встречают в нем привета, участия и совета и говорят, что отношение к ним С[ергея] Ф[едоровича] и Л[аппо]-Дан[илевско]го — небо и земля. Какой он страшный человек! В нем всегда была эта внешняя грубость и неотесанность, которые многих от него отталкивали, но я всегда думала, отчасти и теперь продолжаю думать, что он в сущности гораздо лучше, чем кажется; я думала, что женившись, он изменится, что женское влияние смягчит его, но так и этого незаметно. Может быть в унив[ерсите]те он считает себя несколько обиженным: в прошлом году он читал свой курс (по общим отзывам очень интересный и ценный) при 2 слушателях: Преснякове и Куманине⁵⁶; это, конечно, может привести в отчаяние. И отчего у него так мало слушателей, я совсем не понимаю. Сегодня первое в этом учебном году собрание историков у Вас[илия] Гр[игорьевича] [Дружинина]. Интересно, будет ли там Л[ап]п[о]-Дан[илевск]-ий» (2 октября 1892 г., Л.147об.—148об.).

Итак, А.С.Лаппо-Данилевский все более отходил от кружка С.Ф.Платонова. Для Платоновых не было тайной, что примыкает он к кружку С.Ф.Ольденбурга. В Дневнике находим запись, датированную 2 ноября 1891 г.: «На днях был у нас Степанов⁵⁷; разговор шел о кружке Гревса и Ольденбурга, к которому, несомненно, тесно примкнул и Лаппо-Данилевский. По мнению Ст[епано]ва, члены этого кружка до такой степени убеждены, что они — сосуды истины, добра и красоты, что на всех других людей смотрят свысока и весьма легко и охотно критикуют их образ мыслей и их деятельность. К нам, т.е. к С[ергею] Ф[едоровичу] и

⁵⁶ Куманин Лев Константинович (1869–1920) — тогда студент Историко-филологического факультета.

⁵⁷ Степанов Сергей Лаврентьевич (1863–1914) — историк России, член Кружка русских историков.

мне, они, очевидно, относятся отрицательно— может быть, даже считают нас темными силами. С[ергея] Ф[едорови]ча они, между прочим, упрекают в том, что он мало времени уделяет университету, но из чего они это видят?» (Л.67об.—68). Далее Н.Н.Платонова продолжала: «Может быть, лично я кажусь тому кружку женщиной, погрязшей в будничных интересах и не имеющей никаких общественных идеалов, потому что я не преподаю в школе, как это делает жена Гревса, которая по идее не может жить без уроков? Но у нее один ребенок, а у меня их трое, а скоро будет и четверо. К Карееву, по мнению Ст[епано]ва, этот кружок относится отрицательно, но поддерживает с ним отношения, так как видит в нем полезное орудие для достижения своих целей» (Л.69—69об.). Надо сказать, что Н.Н.Платонова не заблуждалась относительно оценки ее роли членами чуждого кружка— по крайней мере, со слов А.Е.Преснякова, таково было мнение А.С.Лаппо-Данилевского.⁵⁸

3 июня 1892г. Н.Н.Платонова заносит в Дневник еще несколько аналогичных соображений об Ольденбургском кружке: «люди кружка Ольденбурга и Гревса так легко осуждают других, вводя на них более или менее тяжелые обвинения (по словам Л.Н.Майкова, некоторые из них в этом отношении доходят до крайности), что и это обвинение, быть может, явилось с той же стороны. Вчера, гуляя с С[ергеем] Ф[едоровичем] по лесу, мы много говорили об этом кружке, об Ольденбурге, Гревсе, Лаппо-Данилевском. Я всегда с чувством грусти и обиды думаю о них, особенно о Лаппо-Дан[илевско]м: какие хорошие отношения были у нас с ним раньше и как он теперь порвал их, без всякого повода с нашей стороны. По отношению к нему, как и по отношению к Милюкову, меня всегда мучит вопрос о том, насколько они искренни, могут ли они кривить душой. Степанов, прямо говорит, что, как он убедился, Л[аппо].-Дан[илевск]ий способен говорить здесь одно, там нечто другое, противоположное первому,— и потому не выносит его. И С[ергей] Ф[едорович] думает, что нравственное мировоззрение Лаппо-Дан[илевско]го отличается некоторою гибкостью [...] Неужели он в самом деле человек неискренний?» (Л.125об.—126об.).⁵⁹

Отношение к отдельным членам Ольденбургского кружка у Платоновых, естественно, формировалось через призму общего

⁵⁸ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневник. 1889—1927. С. 135.

⁵⁹ Ср.: Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 70—71, 74.

взгляда на этот кружок со стороны «русских историков» и наоборот. В этой связи особый интерес приобретают отношения их лидеров — С.Ф.Платонова и С.Ф.Ольденбурга. Судя по Дневнику, первый раз характер реального противостояния они приобретают в марте 1892 года. Когда С.Ф.Ольденбург (по рекомендации Н.И.Кареева) высказал желание прочесть на Высших Женских (Бестужевских) курсах специальный «приват-доцентский» курс по истории Востока, преподававший там профессор С.Ф.Платонов выступил против под тем предлогом, что нужно сначала в принципе решить проблему приват-доцентуры на курсах (13 марта 1892 г., Л.94об.—95). Когда в декабре 1894 г. С.Ф.Ольденбург представил к защите магистерскую диссертацию «Буддийские легенды»,⁶⁰ она вызвала в Дневнике критические выпады не только научного, но и личного характера: «Видно, гораздо легче предъявлять другим высокие требования и высказывать недовольство трудами и деятельностью других (как это постоянно делают люди кружка Ольд[енбур]га, Гревса и К°), чем самому удовлетворять этим требованиям. 10 лет работать над диссертацией и представить голый перевод!» (10 декабря 1894 г., Л.70—70об.). Объектом постоянной критики был и другой деятель Ольденбургского кружка И.М.Гревс, который, так же как и С.Ф.Ольденбург, обвинялся Платоновыми по трем основным «статьям»: нетерпимость, подстрекательство студентов к политическим возмущениям, недостаточная научная подготовка (см.: 25 февраля 1893 г., Л.20—21; 15 марта 1894 г., Л.41об.—42; 4 апреля 1894г., Л.43об.—43об. и др.).

Кроме деятелей Ольденбургского кружка, особое раздражение Н.Н.Платоновой вызывали и другие «независимые» от «русских историков» фигуры, прежде всего, В.И.Семевский и Н.И.Кареев.

Как известно, В.И.Семевский, отстраненный в 1886 г. от преподавания в Петербургском университете по политическим мотивам, сгруппировал вокруг себя собственный «демократический» кружок историков, отличный от направления Кружка русских историков.⁶¹ По-видимому, первым испытанием для С.Ф.Платонова стало составление по поручению товарища министра народного просвещения Н.М.Аничкова отчета о трудах В.И.Семевского. О составлении этого отчета Н.Н.Платонова писала следующее: «В настоящую минуту С[ергей] Ф[едорович] переписывает свой отчет о трудах Семевского (В.И.), написанный им по поручению Аничкова (конфиденциальному). По этому поводу Майков

⁶⁰ *Ольденбург С.Ф.* Буддийские легенды. СПб., 1894.

⁶¹ *Милуков П.Н.* Воспоминания. С. 163—164.

сказал Сереже: если об этом узнают люди либеральных кружков, вы навсегда погибли в их мнении; и без того мальчишки кричат, что вы отличаетесь консерватизмом.— Интересно было бы знать, кто эти мальчишки. А я при этом всегда вспоминаю Никитенко; по-моему, гораздо почтеннее честно и по совести действовать в министерстве, чем умыть руки» (11 января 1891 г., Л.33об.). Хотя отчет в целом выдержан в корректном по отношению В.И.Семевскому тоне («тенденциозность» В.И.Семевского объяснялась «благородными чувствами», а его научные заслуги признавались),⁶² следующая запись об этом деле все же носит почти «оправдательный» характер: «Вчера разъяснилось, почему департамент нар[одного] просв[ещения] потребовал от Сережи отчета о трудах В.И.Семевского: последний просил мин[истерство] внутр[енних] дел о допущении его к занятиям в каком-то архиве (вероятно, государственном). Министерство обратилось к Десянову с запросом, желательна ли подобное допущение. Тот постановил резолюцию: нет, нежелательно, просить у проф[ессора] Платонова отчета о трудах Сем[евско]го.— Вероятно, Десянов сам нуждался в этом отчете, чтобы иметь точку опоры, но резолюция его о недопущении С[емевского] в архив состоялась раньше получения отчета» (29 января 1891 г., Л.36об.—37). Последующие упоминания имени В.И.Семевского как бы лишний раз подтверждают его общественную неблагонадежность, в ряду других «радикалов» он выступает как подстрекатель молодежи к политическим возмущениям (13 декабря 1893г., Л.33об.; 15 марта 1894 г., Л.36—41 и др.).

Пожалуй, самые сложные отношения среди всех профессоров и преподавателей Петербургского университета складывались у С.Ф.Платонова в 1890-е гг. с Н.И.Карсевым. Показания Дневника подтверждают эти наблюдения. Характер прежде нормальных отношений между Н.И.Карсевым и С.Ф.Платоновым стал меняться с момента организации Исторического общества при Санкт-Петербургском университете⁶³ в 1889г., когда, по словам А.С.Лаппо-Данилевского, «председателем (чуть ли не по науськиванию почтеннейшего Платонова и К°) избран Васильевский»,⁶⁴ несмотря

⁶² См.: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1390. Л. 2—12.

⁶³ См.: Кононова Н.Н. Историческое общество при Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1968. Т. 2. С. 138—151; Слонимский А.Г. Возникновение Исторического общества при Петербургском университете // Ученые записки исторического факультета Таджикского государственного университета. Душанбе, 1974. Вып. 1. С. 22—41; Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 43—44.

⁶⁴ Цит. по: Слонимский А.Г. Возникновение исторического общества. С. 33.

на то что основным организатором Общества был Н.И.Кареев. Обида Н.И.Кареева была настолько велика и демонстративна, что В.Г.Васильевский счел необходимым заявить, «что в виду встретившихся в Комитете затруднений при распределении обязанностей между его членов, он слагает с себя возложенное звание».⁶⁵ За председателем в отставку подал весь Комитет. После проведения повторных выборов (В.Г.Васильевский был избран без баллотировки) Комитет был избран почти в прежнем составе (только вместо В.Г.Дружинина был избран Н.А.Меншуткин), затем В.Г.Васильевский и С.Ф.Платонов отказались от звания членов Комитета. Вместо них были избраны В.Г.Дружинин и А.С.Лаппо-Данилевский, при этом последний занял один из ключевых постов секретаря Общества. Сам С.Ф.Платонов в письме к К.Н.Бестужеву-Рюмину возлагает ответственность за происшедшее на Н.И.Кареева и иронически отмечает, что В.Г.Васильевский «нянчился с ним как с ребенком».⁶⁶ Естественно, что после всего происшедшего отношения между Н.И.Кареевым и Кружком русских историков стали очень напряженными.

В январе 1891 г. Н.Н.Платонова записала: «был у нас Степанов и рассказывал интересные вещи о Карееве, который как-то был у него и говорил: не понимаю, почему С[ергей] Ф[едорович] так сторонится от меня; я погорячился, он погорячился, но все это давно пора забыть.— Вот наивность!» (29 января 1891 г., Л.37–37об.). Критическое и почти презрительное отношение к Н.И.Карееву далее мы находим в целом ряде записей Дневника (31 января 1891 г., Л.39об.; 18 марта 1891 г., Л.50об.; 18 апреля 1891 г., Л.55; 18 апреля 1891 г., Л.55–55об.; 22 ноября 1891 г., Л.73–76об.; 14 апреля 1892 г., Л.106об.–107; 15 октября 1892 г., Л.151–151об. и др.).

В деле с образованием «Бесед по проблемам факультетского преподавания» под руководством А.С.Лаппо-Данилевского, которое в действительности С.Ф.Платонова раздражало, но которому препятствовать из-за позиции В.Г.Васильевского и других членов факультета он не мог, С.Ф.Платонов проявил больше мудрости,

⁶⁵ Протокол второго (экстренного) собрания членов учредителей // Историческое Обозрение. 1890. Т. I. С. 18. отд. паг.

⁶⁶ См.: С.Ф. Платонов — К.Н. Бестужеву-Рюмину, 3 декабря 1889 г. // Малинов - А.В. К.Н. Бестужев-Рюмин: очерк... С. 199. Схожую характеристику ситуации см. в письме С.Ф. Платонова другому своему корреспонденту, М.А. Дьяконову: С.Ф. Платонов — М.А. Дьяконову, 2 декабря 1889 г. // Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками... С. 26–28.

чем Н.И.Каресв, на что косвенным образом не преминула указать Н.Н.Платонова: «Среди профессоров и студентов возникла мысль хлопотать о возобновлении научно-литературного общества, уничтоженного [в] 1888 г. после 1-го марта. С[ергей] Ф[едорович], Гревс, Введенский и др. собрались недавно у Форстена и предложили студентам выбрать председателя общества, если это общество возродится. Студенты (все это происходило у Форстена) после горячих пререканий (кажется, состоявших в том, что большинство резко восстало против предложенного кем-то в председатели Кареева) выбрали председателем Лаппо-Данилевского. На другой день А.И.Введенский и Л[а]п[по]-Дан[илевск]ий просили ректора содействовать возрождению общества. Ректор обещал свое сочувствие и содействие, но что из этого выйдет, неизвестно. Интересно, что Кареев, узнав о выборе Л[а]п[по]-Дан[илевско]го в председатели, перестал с ним разговаривать. Вот странное честолюбие и крайняя мелочность!» (15 марта 1894 г., Л.34об.—35).

В том же 1894 г. произошел докторский диспут Г.В.Форстена, в последовавшем за ним банкете приняли участие все основные действующие лица Дневника. Н.Н.Платонова описывает это событие⁶⁷ следующим образом: «Вечером у Ф[орстена] было великое торжество; С[ергей] Ф[едорович] вернулся домой только в 7-м часу утра. Произнесено было много речей и тостов. С[ергей] Ф[едорович] говорил о необходимости сохранять факультетские традиции и провозгласил тост за уничтожение кружковщины. На это откликнулся Лаппо-Данилевский, но не откликнулись Кареев и Гревс. Со времени этого вечера Васильевский особенно мил с С[ергеем] Ф[едоровичем]: ему понравилось и то, что С[ергей] Ф[едорович] свои возражения начал с упоминания о Бауэре⁶⁸» (4 апреля 1894 г., Л.43—43об.).

По-видимому, 1894 г.— это период последних попыток Платоновых «ликвидировать отношения» и сблизиться с А.С.Лаппо-Данилевским, во всяком случае, в Дневнике встречаются записи, которые можно расценивать как примирительные: «А русское отделение Археол[огического] общества, в котором председателем состоит С[ергей] Ф[едорович], а секретарем Лаппо-Дан[илевск]ий, обнаруживает признаки жизни: было одно заседание с докладом Спицына о чудских могильниках, и Преснякова Зато

⁶⁷ См. об этом также: Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневник. 1889—1927. С. 132—134.

⁶⁸ Бауэр Василий Васильевич (1833—1884) — историк, профессор Петербургского университета.

Кареевское Общество совсем молчит: до сих пор не было ни одного заседания» (22 октября 1894 г., Л.54); «22-го ноября была первая студенческая беседа под руководством Лаппо-Данилевского. Посредством этих бесед, которым начальство ни за что не позволит дать организацию Общества, участники пытаются возобновить закрытое в 1887 году студенческое научно-литературное общ[ество]. 22-го [ноября] читал Пресняков доклад о книге Lacombe'a (L'histoire considerée comme science).⁶⁹ Был Васильевский, Л[ап]п[о]-Дан[илевский] и много народу, говорили, спорили— вообще, говорят, было очень мило. Об этой же книге делал доклад Кареев в 1-м заседании Ист[орического] общ[ества] (9 ноября), где еще Семевский читал свои воспоминания о Ядринцеве.⁷⁰ Доклад К[арее]ва, говорят, был до крайности длинен и скучен (он будет напечатан в Истор[ическом] Обозр[ении], которое кто-то, кажется Пресняков, шутя называет самообозрением Кареева), а воспоминания С[емевского]го очень тенденциозны и малосодержательны. Народу была масса. Л[ап]п[о]-Дан[илевский] оставляет должность секретаря Ист[орического] Общ[ества], так как председательство на студ[енческих] беседах и руководство ими требует от него много времени. Говорят, весною он представил в Совет Ист[орического] Общ[ества] записку о необходимости иначе организовать деятельность Общества, но на эту записку не обратили никакого внимания— главным образом по влиянию Семевского. Секретарем Общ[ества] вместо Л[ап]п[о]-Дан[илевского] будет Мякотин. Вообще, как вполне верно заметил кто-то, это Общ[ество] удивительно идет к своему типу: Мякотин— любимый ученик Семевского» (1 декабря 1894 г., Л.64об.—65); «А студенческие беседы под руководством Лаппо-Д[анилевского]го идут, по-видимому, успешно: недавно была вторая и прошла очень оживленно» (10 декабря 1894 г., Л.71об.). А.С.Лаппо-Данилевский, очевидно, здесь отделяется Н.Н.Платоновой от более радикальных оппонентов мужа.

Новое обострение отношений как с Н.И.Кареевым, так и с Ольденбургским кружком в целом приходится, по-видимому, на 1899—1900-е гг. В 1899г. И.М.Гревс и Н.И.Кареев увольняются из университета за неблагоденственность, а С.Ф.Платонов становится и.о. декана историко-филологического факультета, в конце того

⁶⁹ См. об этом: *Ростовцев Е.А.* Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX—XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 4. С. 105—121.

⁷⁰ Ядринцев Николай Михайлович (1842—1894) — сибирский писатель-публицист, путешественник, археолог.

же года А.С.Лаппо-Данилевский избирается членом Академии наук, в 1900 г. в Академию избирается С.Ф.Ольденбург. В 1900 г. С.Ф.Платонов был избран деканом историко-филологического факультета, а в 1903 г. назначен директором Женского педагогического института.

И хотя в этот период дневниковые записи Н.Н.Платоновой не ведутся, или до нас не дошли, некоторые более поздние показания Дневника связаны как раз с этими событиями. В частности, Н.Н.Платонова описывает избрание в Академию А.С.Лаппо-Данилевского в записях 1919 г., сделанных в связи с его смертью. Приведем эти записи полностью, поскольку они лучше других отрывочных показаний Дневника характеризуют отношение Платоновых к А.С.Лаппо-Данилевскому и его ближайшему окружению (кроме того, что представляют интерес с точки зрения изучения биографии ученого): «А.С.Лаппо-Данилевский умирает (если уже не умер) от общего заражения крови: вероятно, на почве истощения (он, раньше вполне обеспеченный, в последнее время оказался совершенно разоренным) у него сделался под коленом очень глубокий внутренний гнойный нарыв, ничем снаружи не проявлявшийся; доктор, которому А.С. [Лаппо-Данилевский] пожаловался на сильную боль в ноге, мешающую ступить на ногу, не понял, в чем дело, и велел делать массаж, от этого гной распространился, конечно, по всему организму, результатом чего и явилось заражение крови» (25 января/7 февраля 1919 г., Л.83—83об.); «А.С.Лаппо-Данилевский скончался.— Тарле уверен, что его болезнь была следствием голодовки и истощения: академики не так много получают» (26 января/8 февраля 1919 г., Л.85об.); «В субботу должна была быть панихида у гроба Л[аппо]-Д[анилевского] в 4 ч. дня. Пришло много академиков и профессоров. С[ергей] Ф[едорович] ждал ½ часа— панихиды все не было; он ушел; Пресняков ждал до 5 часов и тоже ушел, ничего не дождавшись; потом оказалось, что священник, который должен был служить панихиду, был внезапно схвачен и отправлен на принудительные работы, а другого не сразу нашли— так мы и не знаем, состоялась ли эта панихида. Сегодня похороны на Смоленском кладбище. В связи с этой смертью много воспоминаний и мыслей бродит в голове: покойный когда-то бывал у нас вместе с другими русскими историками; я помню его молодым, живым, иногда даже веселым; потом он стал реже появляться у нас; затем нам передали (кажется, С.Л.Степанов), что раз Л[аппо]-Д[анилевский] позволяет себе так отзывать о нас с С[ергеем] Ф[едоровичем], как он это делает, ему у нас не место — и знакомство кончилось. Это меня несколько не обидело бы, если бы Л[аппо]-Д[анилевский]

держался корректно по отношению к нам, но с С[ергеем] Ф[едоровичем] он держался так вызывающе, с такой заносчивостью, а со мной позволил себе быть таким невежливым, что С[ергей] Ф[едорович] стал держаться от него очень далеко, а я перестала подавать ему руку, ограничиваясь кивком головы. Я думала, что он только с нами так держится, п[отому] ч[то] мы ему не симпатичны, но к своему удивлению, М[ихаил] Ив[анович] Ростовцев в прошлом году в разговоре сказал С[ергею] Ф[едоровичу], что он при встречах с Л[аппо]-Д[анилевским] в академии едва здороваётся с ним, выведенный из терпения его надменным высокомерием и т.д. Когда же С[ергей] Ф[едорович] сказал что-то о дурном отношении к нему со стороны Л[аппо]-Д[анилевского], Р[остовце]в очень живо сказал: Ну, это, конечно, объясняется неудачным соперничеством, завистью— и на возражение С[ергея] Ф[едоровича] продолжал: Разумеется, завистью, п[отому] ч[то] у Вас в науке имя, до которого ему далеко.— Интересный разговор о Л[аппо]-Д[анилевском] был у Наташи[неразб.] с Тарле: последний часто встречался с Л[аппо]-Д[анилевским] за границей, на разных съездах и здесь— то Тарле нуждался по к[акому-]н[ибудь] вопросу в помощи Л[аппо]-Д[анилевского], то последний в помощи Тарле, отношения были хорошими, но никогда не было и тени близости, интимности— такой странный, нелюдимый и тяжёлый человек был Л[аппо]-Д[анилевский] по словам Тарле, даже члены близкого кружка (напр[имер], А.А.Кауфман⁷¹) боялись его. Сам Тарле объяснял эти черты Л[аппо]-Д[анилевского] его неудовлетворенностью: в его жизни был один большой успех— раннее (в 30 лет) избрание в Ак[адемии] наук, но ведь одним успехом не проживешь. Его магистерская диссертация, при всех своих достоинствах, не была чем-либо особенно выдающимся, да и Милюков в своей рецензии на нее указал, что в финансах России большее значение имеют косвенные, чем прямые налоги, т[ак] ч[то] Л[аппо]-Д[анилевский] мог придти к выбору, что самая тема его поставлена неудачно. Докторской диссертации он так и не написал, хотя много лет собирал для нее материалы (по истории общественной мысли России в XVIII в.). По мнению Тарле, Л[аппо]-Д[анилевский], как очень благородный человек, мучился сознанием того, что он не оправдал надежд, которые на него возлагались при таком раннем избрании его в Ак[адемии] наук, не дал таких трудов, каких от него ожидали, а разменялся на разные съезды, комиссии, рецензии и т.д.— отсюда глубокая

⁷¹ Кауфман Александр Аркадьевич (1864–1919) — статистик, экономист.

неудовлетворенность и озлобленность. Его острое отношение к С[ергею] Ф[едоровичу] Тарле, как и Ростовцев, объясняет завистью: С[ергей] Ф[едорович] мог дать и дал гораздо больше, чем Л[аппо]-Д[анилевский], что последний прекрасно сознавал.— Тарле говорит: Я не знаю, почему в то время совершена была эта несправедливость, т.е. почему Л[аппо]-Данилевский был избран в Ак[адемию] Н[аук] помимо С[ергея] Ф[едоровича]. Мы с С[ергеем] Ф[едоровичем] прекрасно помним, как это было: Васильевский, Бестужев, Розен решили провести в Ак[адемию] Н[аук] молодые силы для оживления работы и остановились на европейски образованных, сравнительно обеспеченных и не удрученных семьей молодых ученых— Л[аппо]-Д[анилевском] и С.Ф.Ольденбурге. У С[ергея] Ф[едоровича] хранится письмо Васильевского по этому делу. Вероятно, что они рассуждали так: С[ергей] Ф[едорович] занимает кафедру в Ун[иверситете]— не все же отдавать одному; С[ергей] Ф[едорович] хороший лектор, а Л[аппо]-Д[анилевский] человек типа кабинетного ученого.— С течением времени, когда Ак[адемия] наук превратилась всецело в гнездо партии к.-д., да еще при нетерпимом отношении к С[ергею] Ф[едоровичу] со стороны Л[аппо]-Д[анилевского], произнести имя С[ергея] Ф[едоровича] в Ак[адемии] н[аук] было все равно, что показать быку красный платок. Теперь, когда Л[аппо]-Д[анилевско]го уже нет, С[ергей] Ф[едорович] имеет полное право сказать, что он никогда не делал никакого зла Л[аппо]-Д[анилевско]му, а от него много зла видел.— Мне лично Л[аппо]-Д[анилевский] представлялся всегда очень несчастным человеком: получив превосходное домашнее образование, зная много языков, обладая колоссальными знаниями и необыкновенной усидчивостью, он всю жизнь стремился воспарить в творческом порыве— и не мог, п[отому] ч[то] в сущности у него не было таланта, творчества, интуиции» (28 января/10 февраля 1919 г., Л.86об.—89).

В 1900—1903 гг. С.Ф.Платонов добивался назначения на должности профессоров университета И.А.Бодуэна-де-Куртенэ,⁷² И.М.Гревса, Э.Д.Гримма, М.И.Ростовцева, С.А.Жебелева, Б.М.Мелиоранского, И.А.Шляпкина, Б.А.Тураева.⁷³ При этом большинство кандидатур, выдвигаемых С.Ф.Платоновым на профессорские должности, не имело необходимой по закону доктор-

⁷² Бодуэн-де-Куртенэ Иван Александрович (1845—1929) — языковед, член-корреспондент Академии наук (с 1896 г.).

⁷³ См.: Письма С.Ф. Платонова ректору университета А.Х. Гольмстену по вопросам формирования преподавательского состава за 1900—1905 гг. Черновики // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1750.

ской степени и назначалось лишь благодаря исключительной настойчивости декана.⁷⁴ По всей вероятности, именно С.Ф.Платонову удалось добиться восстановления на факультете опальных И.А.Бодуэна-де-Куртенэ и И.М.Гревса.⁷⁵

Таким образом, «консервативный историк» С.Ф.Платонов, обеспечивший себе большое влияние в университете и Министерстве народного просвещения благодаря связям с Императорским Домом (с 1895 г. он преподавал политическую историю великому князю Михаилу Александровичу и великой княгине Ольге Александровне — племянникам Николая II),⁷⁶ объективно встал на защиту научных сил факультета от тех гонений, которые обрушились на него после студенческих волнений 1899 г. Однако всего этого оказалось недостаточно для того, чтобы «ольденбуржцы» признали его своим, события же первой русской революции, как свидетельствуют записи Дневника, только углубили разрыв между ними и С.Ф.Платоновым.

Действительно, почти все «ольденбуржцы», люди либеральных взглядов, впоследствии оказались членами кадетской партии, которая вызывала резкую неприязнь у С.Ф.Платонова и его ближайшего окружения. Можно сказать, что прежнее противостояние: «Ольденбургский кружок» — «Кружок русских историков», — после революции 1905—1907 гг. трансформируется в оппозицию: «Академия наук» («кадеты» и левее) — «платоновцы» (государственники). Потому к прежним оппонентам (А.С.Лаппо-Данилевскому, И.М.Гревсу, С.Ф.Ольденбургу, Н.И.Карсеву) прибавились Е.В.Тарле, М.И.Ростовцев, А.А.Шахматов, В.Н.Перетц и др., а к прежним союзникам (В.Г.Дружинину, А.А.Спицыну, Н.Д.Чечулину, С.В.Рождественскому) — С.Д.Шереметев, Ф.И.Успенский, Б.А.Тураев и др.

Уже в записях 1905 г. либеральные «профессора-союзники» обвиняются Н.Н.Платоновой в том, что «устраивают революцию на казенный счет» (17 октября 1905 г., Л.2об.), особо в этой связи «досталось» профессорам Е.В.Тарле и М.И.Ростовцеву (см. запись 17 октября 1905 г., Л.3—3об.; 20 октября 1905 г., Л.6).

⁷⁴ [№ 2404] Общий Устав Императорских Российских Университетов. Ст. 99 // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. IV. 1884. С. 468. Ср.: Жебелев С.А. Ученые степени в прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем // Очерки истории отечественной археологии. М., 2002. Вып. III. С. 155.

⁷⁵ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1750. Л. 11. Особые усилия С.Ф. Платонов приложил к успешному решению дела И.М. Гревса, о чем свидетельствует их переписка 1900—1902 гг.: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2714. Л. 13—22 об., 24, 28.

⁷⁶ См.: Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов... С. 187.

Вообще, как известно, в сентябре 1905 г. С.Ф. Платонов был вынужден уйти с поста декана под влиянием политических событий, и его сменил более «либеральный» профессор Ф.А. Браун. В 1913 г. С.Ф. Платонов уходит на пенсию, передав университетскую кафедру русской истории своему ближайшему ученику С.В. Рождественскому, и также перестает читать лекции на Высших Женских курсах, сохраняя за собой (до июня 1916 г.) только должность директора Женского педагогического института.

Энергичный и деятельный по натуре, профессор критически относился к «либералам», выполнявшим его прежние обязанности. В связи с этим приведем несколько выдержек из Дневника, касающихся основного «логова» кадетов — Академии наук — и других кадетских учреждений (нового состава Историко-филологического факультета и Бестужевских курсов). В частности, характерна такая запись февраля 1915 г.: «Умер Ламанский — сколько мест освободилось в Академии! Интересно знать, кого туда теперь выберут, — вероятно, кого-нибудь из «своих»: ведь они (кадеты) панически боятся всего «не-своего»: Дм[итрий] К[онстантинович] Петров рассказывал у нас недавно, что в прошлом году на предварительном к будущему конгрессу историков съезде (от подготовки которого С.Ф. Платонов демонстративно отстранился — *Е.Р.*⁷⁷) поднят был вопрос о том, чтобы впредь русский яз[ык] был включен в число языков, на которых допускаются доклады на конгрессах; это предложение встретило общее сочувствие в факультете, т[ак] к[ак] ведь так много действительно в области истории сделано русскими учеными, но когда стало известно, что это предложение исходит от Бубнова, т.е. «не-своего», то предложение сразу провалилось, п[отому] ч[то] «разве может, ч[то]-н[и]будь хорошее исходить оттуда», и в доказательство этой мысли Ростовцев даже привел рассказ о том, как Бубнов будто бы выгнал из своего дома в Крыму какую-то гувернантку — вот довод! А теперь, говорят, что тот же Ростовцев уверен, что С[ергей] Ф[едорович] согласился быть автономным товарищем министра нар[одного] просв[ещения], и страшно этого боится — вот малодушный трус! И кадеты хороши: считают себя высоко нравственными борцами за высокие идеалы и не гнушаются общением и даже дружбой (Ростовцев) с такими мерзавцами, как Зелинский,⁷⁸ который имеет детей от многих из своих учениц,

⁷⁷ См.: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений). С. 155.

⁷⁸ Зелинский Фаддей Францевич (1859–1944) — филолог-классик, член-корреспондент Академии наук (с 1893 г.), почетный академик (с 1916 г.).

подкупленных его высокими словами о науке, античности, эллинизме и т.п.» (21 февраля 1915 г., Л.23об.—24об.). Последнее замечание особенно ярко показывает откровенно предвзятый и в чем-то даже вздорный характер критических выпадов в адрес нелюбимых автором персонажей Дневника.

В январе 1916 г., критикуя «воротил» и «главарей» Академии наук: Л.Я.Штернберга, В.В.Радлова, А.А.Шахматова, — Н.Н.Платонова восклицает: «И какое право они все имеют быть членами и руководителями Ак[адемии] наук? Что сделал для науки Ольденбург или Лаппо-Данилевский? А ведь с ними обоими как носился Васильевский» (23 января 1916 г., Л.71об.—72). Постоянны и обвинения академиков в непатриотизме. Типична, например, такая запись: «Успенский в ужасе от Академии наук, где он теперь зачислен в штат: дела никакого не делается, всем вертит «немецкая», по выражению Усп[енско]го, партия, состоящая из Радлова,⁷⁹ Залемана⁸⁰ [слово вставлено на полях карандашом вместо зачеркнутого «Штернберга»⁸¹] и Ольденбурга; Никитин, вице-президент, по какой-то непонятной причине у них в полном подчинении. Кондаков⁸² и Соболевский, видя свое бессилие противодействовать этой партии, махнули на все рукой и просто не ходят на заседания, а Усп[ен]ский считает своим нравственным долгом ходить и протестовать, хотя бы оставаясь в единств[енном] числе. Так было напр[имер], когда Ак[адемия] наук решила 29 голосами против 1-го голоса (это и был голос Усп[енско]го) не исключать почетных членов Академии немцев» (23 января 1916 г., Л.71—71об.).⁸³

Весной предшествующего 1915 г. Н.Н.Платонова саркастически пересказывает историю, связанную с приемом выпускных экзаменов на историко-филологическом факультете, оставшемся

⁷⁹ Радлов Василий Васильевич (1837–1918) — востоковед, академик (с 1884 г.).

⁸⁰ Залеман Карл Германович (1849–1916) — востоковед, академик (с 1895 г.).

⁸¹ Штернберг Лев Яковлевич (1861–1927) — этнограф, член-корреспондент Академии наук (с 1924 г.).

⁸² Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) — историк искусства, академик (с 1898 г.).

⁸³ О позиции Академии наук по вопросу об исключении «немцев» см.: *Хартанович М.Ф.* Предисловие // *Летопись Российской Академии наук.* В 4-х т. СПб., 2003. Т. III. 1861–1900. С. 9; *Бисаргина Е.Ю.* Вице-президент Императорской Академии наук П.В. Никитин. Из истории русской науки (1867–1916). СПб., 2004. С. 259–269; *Иванов А.Е.* Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // *Вопросы истории естествознания и техники.* 1999. № 2. С. 108–127 и др.

«без Платонова», со слов Д.К.Петрова (в то время секретаря факультета): «Председателем Гос[ударственной] комиссии на ист[орико]-фил[ологическом] факультете здешнего ун[иверсите]та назначен в этом году Киевский проф[ессор] Бубнов. Между им и собственно членами Гос[ударственной] комиссии факультета началась деловая переписка, которая скоро привела к большому обострению отношений: фак[ульте]т находит, что Б[убно]в слишком самовластен, все диктует ф[акульте]ту свои распоряжения тоном начальника, а Б[убно]в находит, что фак[ульте]т становится на точку зрения, в данном деле недопустимую, — какой-то автономии фак[ульте]та. Ближайшим поводом к разногласию послужил, кажется, вопрос о назначении сроков для экзаменов: Б[убно]в хочет, чтобы для каждого экзамена был только один срок, а фак[ульте]т заявил ему, что это всегда здесь устанавливалось не председателем, а фак[ульте]том, т.е. члнами его, входящими в Гос[ударственную] Комиссию. Теперь они написали Б[убно]ву, прося его приехать сюда на Пасху, чтобы столкнуться с ними, в противном случае они все поголовно отказываются участвовать в Комиссии. Это — своего рода бойкот. Все это рассказал нам Дм[итрий] К[онстантинович] Петров, прибавив, что вдобавок ко всему этому Б[убно]в чуть не смертельно оскорбил Брауна, предложив ему быть секретарем Гос[ударственной] комиссии. Когда обо всем этом рассуждали в фак[ульте]те, Ростовцев, по словам Д.К.П[етрова], заметил: справимся с Б[убновы]м, и не таких, как он, объезжали. На что Гревс сказал: кого же Вы объезжали? И действительно, председателями комиссии здешней ист[орико]-фил[ологиче]ской были за последние годы все люди покладистые: Латышев В.В., Никитский⁸⁴ (классик), два раза Д.К.П[етров], который сам говорит, что, не желая ссориться, на многое происходящее во время гос[ударственных] экзаменов смотрел сквозь пальцы, но что и экзаменаторы, и студенты здесь невероятно развращены, особенно на словесном отделении, что он сам, будучи председателем видел, напр[имер], как один студент, подойдя экзаменоваться к Бодуэну-де-Куртене, получил отметку, не экзаменуясь; Д.К.[Петров] не успел его остановить, но потом строго выговаривал этому ст[уден]ту (ныне оставленному при Ун[иверсите]те, имени его Д.К.[Петров] не назвал), и тот, не отрицая своей вины, сказал: ну, я пойду еще раз экзаменоваться, на что Д.К.[Петров] ему ответил: это поздно и бесцельно те-

⁸⁴ Никитский Александр Васильевич (1859–1921) — филолог-классик, академик (с 1917 г.).

перь.— По словам Д.К.[Петрова], Б[убно]в напрасно сразу же так круто сразу повернул дело; нужно было, начав мягче, удалить из состава комиссии таких экзаменаторов, как Б[одуэн]-де-Куртене, Шахматова (который невозможно экзаменует, верно, из ложно понимаемой гуманности), Шляпкина (с его невозможной халатностью) и во время самых экзаменов взять дело в свои руки. Д.К.[Петров] находит, что в Харьк[овско]м ун[иверсите]те гораздо больше порядка и дисциплины, чем в здешнем, а о Киевском и говорит нечего: там царит строгая дисциплина. Здесь же— полная деморализованность и полное отсутствие дисциплины. Все это началось с 905—6 гг. и достигло высшей степени в деканство Брауна, который ведь сам— олицетворенная распущенность. Оттого-то и С[ергей] Ф[едорович] давно устранился от участия в здешней Госуд[арственной] комиссии, которую он называет «кабаком», а не комиссией, и вообще старается держаться подальше от фак[ульте]та. Нужно сказать, что В.В.Латышев, в качестве Предс[едателя] Гос[ударственной] комиссии при Кассо, заметил, очевидно, много недостатков во время экзаменов и, как теперь достоверно известно, кроме офиц[иального] отчета о гос[ударственных] экзаменах подал еще отчет с указанием на эти непорядки. Результатом было то, что, напр[имер], перестали назначать предс[едателем] Гос[ударственных] комиссий Зелинского, которого всегда назначал Шварц, считавший его и хорошим классиком, и лояльным человеком; два раза назначали здесь председ[ателем] Д.К.Петрова, которого Кассо считал человеком твердым, и т.д. Но, по-моему, в сущности, все осталось по-старому» (1 марта 1915 г., Л.49об.—51об.); «На днях (6-го [мая] вечером) был у С[ергея] Ф[едоровича] Бубнов и с негодованием говорил о здешних унив[ерситетски]х порядках, с которыми он в Гос[ударственной] Комиссии справиться не может, но о которых намерен представить в Мин[истер]ство правдивый отчет по окончании сессии. По его словам, Гревс и Шахматов экзаменуют прямо преступно; иногда прислушиваясь к ответу экзаменуемого, Б[убно]в думает: неужели он получит удовлетворительно? Оказывается весьма. «Ведь они целое поколение так[им] обр[азом] портят, пропуская к диплому совершенных невежд», с отчаянием восклицает Бубнов. [] студенты негодуют на женщин, экзаменуемых в Ун[иверситет]ской Комиссии, за то, что они «повышают требования» на экзаменах, т.е., другими словами, добросовестнее к ним готовятся, чем студенты (Кстати: в Ун[иверситет]ской Комиссии этого года экзаменуется больше женщин, чем мужчин)» (11 мая 1915 г., Л.69—69об.).

Другой, не менее характерный эпизод, связанный с ситуацией на Высших Женских (Бестужевских) курсах, описан Н.Н. Платоновой также в феврале 1915 г.: «Вчера в Ун[иверсите]те к С[ергею] Ф[едоровичу] подошли в качестве депутатов от русских историков, читающих на В[ысших] Курсах, Пресняков, Полиевктов⁸⁵ и Греков⁸⁶ и просили С[ергея] Ф[едоровича] вернуться на Курсы и стать во главе недавно образованной самостоятельной группы русск[ой] истории. Оказывается, что русским историкам пришлось на Курсах вынести некоторую борьбу с всеобщими историками, которые до сих пор вместе с русск[ими] историками образовывали одну общую группу истории и систематически угнетали р[усских] историков: по всеобщей истории никогда не было ни одного дарового часа, по р[усской] истории они были (напр[имер], у С[ергея] Ф[едоровича]) и являлись вследствие того, что всеобщие историки захватывали себе львиную долю денег, ассигнованных на историю, и на лекции по р[усской] истории денег не хватало. Затем за 2-часовой семинарий вс[еобщие] историки получали за 2 часа, р[усские] историки за 1 час. Требования для кончающих по истории были поставлены такие, что можно было кончить, не зачтя ни одного семинария по р[усской] истории; число часов, установленное для общего курса по р[усской] истории, неожиданно на практике оказывалось меньше установленно-го и т.д. Отношение к Клочкову,⁸⁷ у которого на Курсах вышло какое-то столкновение с Гревсом, было со стороны вс[еобщих] историков таково, что его ничем оправдать было нельзя. И в начале этого уч[ебного] года М[ихаилу] Дм[итриевичу] Приселкову, уже приглашенному весной на В[ысшие] Курсы на известные (кажется, 4) число часов, и отказавшемуся поэтому от уроков в средних уч[ебных] заведениях, внезапно было объявлено, что т[ак] к[ак] у Комитета денег мало, то он может иметь только 2 ч[аса], да и те не наверно. Тогда в дело вступились против Гревса С[ергей] Ф[едорович] и Пресняков и отстояли Приселкова. Интересно заметить, что одновременно с последним на Курсы был

⁸⁵ Полиевктов Михаил Александрович (1872–1942) — историк России, преподаватель Высших Женских курсов.

⁸⁶ Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) — историк России, преподаватель Высших Женских курсов, академик (с 1935 г.).

⁸⁷ Клочков Михаил Васильевич (1877–1951) — историк России, в 1907–1914 гг. профессор Высших Женских (Бестужевских) курсов (ВЖК), в 1914–1920 гг. профессор Харьковского университета. О «скандале» с М.В. Клочковым на ВЖК упоминает и А.Е. Пресняков (см.: Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневник... С. 720).

приглашен ученик Ростови ева Оттокар,⁸⁸ но о том, чтобы ему не платить или уменьшить число часов, и речи не заходило). Все эти факты вывели из терпения р[усских] историков, они взбунтовались и добились образования автономной группы р[усской] истории с определенным числом часов лекций; эти часы они сами распределяют между р[усскими] историками, преподающими на Курсах. И вот они просят С[ергея] Ф[едоровича] статью во главе этой группы, т[ак] к[ак] им нужно лицо с весом. С[ергея] Ф[едоровича]-ча это очень взволновало: ему издавна многое на Курсах не нравилось, но последним фактом, заставившим уйти оттуда, было вывешенное и никем не снятое заявление Ц.О. (Центрального Органа)⁸⁹ о том, что он не препятствует юбилейному чувствуваню С[ергея] Ф[едоровича], но сам его чествовать не будет. Из кого состоит Ц.О., кто, кого и когда туда избирает, никто хорошенько не знает; это, по-видимому, группа евреек-самозванок, которые, тем не менее, считают себя в праве «давать директивы» обшей массе курсисток. Пресняков, Полиевктов и др. говорят С[ергею] Ф[едоровичу]: Да кто на этот Ц.О. обращает внимание? Кому до него дело? Но С[ергея] Ф[едоровича]-ча особенно удивляет и задевает, что администрация Курсов (директор, декан) не считают нужным в это вмешаться, снять это заявление и заявить, что подобные вещи недопустимы» (22 февраля 1915 г., Л.29—31).

Высшие Женские курсы (ВЖК) и работавший тогда деканом их историко-филологического факультета И.М.Гревс были постоянным источником раздражения для С.Ф.Платонова и, как следствие, для автора Дневника. В этом отношении характерна оценка, данная И.М.Гревсу как администратору ВЖК, «презрительно» относившемуся как к министерству, так и практическим нуждам слушателей (15 февраля 1916 г., Л.93—94об.). В частности, в записи Н.Н.Платоновой содержится следующий критический пассаж: «Впрочем, я ведь никогда не могла понять логической последовательности во многом, что говорил и делал Гревс, напр[имер], он в дни своей молодости, так же как и теперь, относясь бесконечно

⁸⁸ Оттокар Николай Петрович (1884—1957) — преподаватель всеобщей истории Высших Женских курсов.

⁸⁹ ЦО («Центральный орган» — образован в 1911 г.) — нелегальная полуреволюционная студенческая организация, включавшая представителей курсовых организаций и партийных групп. О деятельности ЦО см., например: *Вревская Н.П.* Санкт-Петербургские Высшие Женские (Бестужевские) курсы // Санкт-Петербургские Высшие Женские (Бестужевские) курсы (1878—1918 гг.). Сборник статей / Под общ. ред. С.Н. Валка, Н.Г. Сладковича, В.И. Смирнова, М.Л. Тронской. Л., 1965. С. 27—28.

отрицательно к министерству и гнушаясь всякого соприкосновения с ним, тем не менее считал возможным на деньги этого министерства провести в заграничной командировке в общей сложности пять с половиной лет; никто из молодых ученых не стоил так дорого мин[истерст]ву и унив[ерсите]ту, как Гревс; положим, не сам он хлопотал об этих деньгах, а добывал их для него Васильевский, его учитель, возлагавший на него огромные надежды, но ведь знал же все это Гревс, и это не помешало ему, с одной стороны, принимать от мин[истерст]ва деньги, с другой — в некрологе незабвенного Вас[ильевско]го отнестись к покойному с довольно ясно выраженным осуждением — отчасти именно за его являние с мин[истерство]м и т.п. Как все это понять? Положим, не он один таков: покойный Вл[адимир] Ив[анович] Ламанский всю жизнь играл в оппозицию против мин[истерст]ва, осуждал Васильевского, будировал и т.п., но тем не менее отлично добывал себе, без ведома факультета, различные суммы — командировочные и на лечение — через своих приятелей, вроде покойного Ив[ана] В[асильевича] Помяловского,⁹⁰ пользуясь для этого обыкновенно таким моментом, когда члены факультета уже разъезжались, напр[имер], концом мая. Я помню, как это совершенно случайно обнаружилось в деканство Помял[овско]го: какая-то болезнь Ламанского стоила Унив[ерсите]ту 1000 р., причем эта сумма была выдана ему даже без ведома других членов унив[ерситет]ской корпорации — из сумм, огромных для унив[ерситетско]го бюджета, находившихся в распоряжении ректора. И покойный Еришtedт,⁹¹ узнав это задним числом, при С[ергее] Ф[едоровиче] с горечью сказал Помяловскому: Я только что два месяца провалился в изнурительной инфлуэнции, и хоть бы что-нибудь было мне предложено от Ун[иверсите]та!» (15 февраля 1916 г., Л.94об.—95об.).

В Дневнике приводится описание докторского диспута наиболее известного из учеников И.М.Гревса — Л.П.Карсавина, — состоявшегося в марте 1916 г.⁹² При этом кажется неслучайным, что Н.Н.Платонова акцентирует внимание на сложных отношениях

⁹⁰ Помяловский Иван Васильевич (1845–1906) — филолог-классик и археолог, член-корреспондент Академии наук (с 1890 г.).

⁹¹ Еришtedт Виктор Карлович (1854–1902) — филолог-классик, академик (с 1898 г.).

⁹² Л.П. Карсавин защищал диссертацию «Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв., преимущественно в Италии» (Пг., 1915). Описание защиты Л.П. Карсавина см.: Журнал заседаний Совета Историко-филологического университета за 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16216. Л. 114–128.

Л.П.Карсавина с И.М.Гревсом и его «правоверными учениками», излагая критическую оценку Л.П.Карсавиным личности И.М.Гревса, хотя, в свою очередь, сама обращает внимание на сложность характера самого Л.П.Карсавина. (см. запись 28 марта 1916 г., Л.102–103об.). О непростом характере отношений между учителем и учеником повествует и еще одна запись Дневника, сделанная два года спустя: «Недавно С[ергей] Ф[едорович] спросил Эрв[ина] Гримма, будет ли Карсавин предложен в ординарные; Гр[имм] ответил: Пресняков говорил об этом с Гревсом, который обещал сделать это в одном из ближайших заседаний факультета, если же он этого не сделает, прибавил Гр[имм], то мы с вами (т.е. с С[ергеем] Ф[едоровичем]) это сделаем. При этом Гр[имм] назвал поведение Гревса по отношению к Карс[ави]ну «гнусным». Конечно, Гревс в этой истории не прав по отношению к К[арсави]ну, но нужно сказать, что и К[арсави]н мудреный человек, и отношения с Гревсом у него очень сложные» (15 марта 1918 г., Л.25об.).⁹³

Из других учеников И.М.Гревса больше всего внимания уделяется О.А.Добиаш-Рождественской. В частности, приводится описание ее магистерского диспута (защиты диссертации «Церковное общество во Франции») в мае 1915г.: «Третьего дня, 9го, был диспут О[льги] Ант[оновны] Добиаш-Рождественской, ученицы Гревса. Офиц[иальными] оппонентами были Гревс и Кареев, неофициально выступили Эрв[ин] Гримм и Бубнов. В общем диспут был хороший, но не блестящий; ее все-таки порядочно пощипали⁹⁴ (Островскую,⁹⁵ по словам С[ергея] Ф[едорови]ча, в прошлом году пощипали больше). Гревс, в конце своих возражений «пустил слезу» (читая, впрочем, по бумажке); это, конечно, вполне в его духе; но что он при этом сказал что-то как будто патриотическое, это ему уже совсем не свойственно. Кареев очень мямлил, а Гримм, напротив, чересчур быстро говорил. Бубнов же напрасно выступил: его грубоватый, как всегда, тон совсем к диспуту не подходил, да и возражения его, хотя в нем сразу почувствовался

⁹³ Сложные отношения, существовавшие в этот период между И.М. Гревсом и Л.П. Карсавиным, характеризует их переписка – см.: Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / Автор-составитель О.Б.Вахромеева. СПб., 2004. С. 295–297.

⁹⁴ Описание защиты О.А.Добиаш-Рождественской см.: Журнал заседаний Совета Историко-филологического университета за 1915 г.// ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16196. Л. 58–60.

⁹⁵ Островская Мария Андреевна (1884–1923) — преподаватель Высших Женских курсов. Речь идет о диссертации «Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI–XVIII вв.», защищенной в марте 1914 г.

авторитетный знаток истории, в частности Средневековья, как-то свелись к очень немногому и неважному. Аудитория смеялась над его шутками: Вы написали книгу, какую и мужчины не часто пишут. Или: приятно видеть в Вашей книге лат[инские] цитаты, но жаль, что Вы их не переводите, ибо если до сих пор говорилось: *Oracla non leguntur*,⁹⁶ то скоро, если будет осуществлена предполагаемая реформа (т.е. реформа средней школы, предлагаемая министром гр.Игнатьевым — *Е.Р.*),⁹⁷ с полным правом придется говорить: *latina pop leguntur*⁹⁸ — и т.д. Вообще, его выступление было неудачно, что очень жаль, п[отому] ч[то] он человек умный и знающий» (11 мая 1915 г., Л.69об.—70). Другой эпизод, посвященный О.А.Добиаш-Рождественской, окрашен уже более негативно и связан с желанием в 1915 г. И.М.Гревса избрать экстраординарным профессором курсов О.А.Добиаш-Рождественскую (свою ученицу), в то время как «русскому историку» М.В.Клочкову в этой возможности было отказано по формальным основаниям, чем был возмущен даже «приспешник Гревса» А.Е.Пресняков (1 сентября 1915 г., Л.9об.—10).

Строгое «разделение» науки по общественным лагерям предопределило и изменение отношения к ряду ученых со стороны Платоновых. В этой связи наиболее показательным кажется изменение их отношения к А.А.Шахматову. В начале Дневника (1891 г.) тон записей, касающихся А.А.Шахматова, предельно благожелательный: «Московский молодой ученый Шахматов берет место земского начальника в Саратовской губ[ернии]: он собирается жениться, средств у него нет, а университет его не обеспечивает. Долгов уверен, что он и в Саратове напишет диссертацию, но все-таки это очень грустный факт» (11 января 1891 г., Л.34—34об.). Однако затем характер высказываний меняется. Примечательна в этом отношении история о ходатайстве А.А.Шахматова за опального профессора Н.Н.Фирсова⁹⁹ (давнего недруга С.Ф.Платонова),¹⁰⁰ записанная

⁹⁶ Высказывания не зачитываются (лат.).

⁹⁷ См.: Материалы по реформе средней школы: Примерные программы и объяснительные записки. Пг., 1915; *Константинов Н.А.* Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 г. М., 1956.

⁹⁸ Латынь не зачитывается (лат.).

⁹⁹ Фирсов Николай Николаевич (1864—1933) — историк, профессор Казанского университета (с 1902 г.).

¹⁰⁰ О деле Н.Н. Фирсова и участии в нем С.Ф. Платонова см. записи Дневника 27августа 1892 г., Л. 141—142; 19 сентября 1892 г., Л. 144 об.—145; 25 февраля 1893 г., Л. 21 об.—22, а также: РГИА. Ф. 733. Оп. 150. 1892 г. Д. 841. Л. 8—54.

Н.Н.Платоновой в Дневнике в 1915 г.: «В субботу 7-го заходил к С[ергею] Ф[едоровичу] поговорить о делах Института Шевяков и между прочим сказал: Жаль Вашего вел[икого] князя, в какие дела его втягивает Шахматов! И затем рассказал: каз[анский] профессор Фирсов не был оставлен на следующее пятилетие в Каз[анском] Ун[иверсите]те, приехал сюда и редактирует здесь, при Ак[адемии] Наук, Историю Пуг[ачевского] бунта Пушкина. Еще при Кассо Шахм[ато]в уговорил великого князя попросить м[ини]стра письмом дать Ф[ирсо]ву кафедру. Кассо ответил, что не считает удобным назначить его в Каз[анский] ун[иверсите]т, откуда он удален (не знаю — за едва ли не за какую-то бестактную речь по поводу юбилея 12-го г[ода]),¹⁰¹ но что если к[акой]-н[ибудь] другой Ун[иверсите]т изберет его, он, Кассо, ничего не будет иметь против его утверждения. Смерть Кассо остановила это дело. С назначением нового м[ини]стра вел[икий] князь, очевидно, по просьбе того же Шахм[ато]ва, оянь обратился к нему с ходатайством за Ф[ирсо]ва, говоря, что если предоставляется любому Ун[иверсите]ту избрать Ф[ирсо]ва, то почему исключать из числа их Каз[анский] ун[иверсите]т? Отчего не дать ему кафедру там? Неизвестно, как посмотрит на это дело м[ини]стр; если не сочтет возможным удовлетворить ходатайство вел[икого] князя, последний может оказаться в ложном положении. И потом: как можно так толковать ответ Кассо? Ведь в этом есть уже нечто софическое.¹⁰² Удивительное дело: где замешается Шахматов, от этого дела лучше держаться подальше, п[отому] ч[то] всегда в нем есть quelque chose de louche.¹⁰³ А ведь раньше, еще по репутации Шахм[ато]ва в Москве, мы с С[ергеем] Ф[едоровичем] относились к нему исключительно хорошо, считали его человеком удивительной нравственной чистоты, убежденным, идейным, стойко проводящим в жизнь свои принципы: ведь пошел же он когда из-за идеи в земские начальники в Саратовской губ[ернии], прервал из-за этого свои научные занятия и не убоившись никаких кривотолков? — С год тому назад секр[етарь] ист[орико]-фил[ологического] факультета здешнего Ун[иверсите]та Жебелев,¹⁰⁴

¹⁰¹ Формально Н.Н. Фирсов был уволен «за выслугу лет», по сведениям газеты «Школа и жизнь» — «по проискам бывшего проф[ессора] Казанского университета Мережковского»; см.: Высшая школа // Школа и жизнь. 1916. № 13. С. 9 (Стлб. 329).

¹⁰² В марте 1916 г. Н.Н. Фирсов возвратился на кафедру в Казанский университет.

¹⁰³ Нечто подозрительное — (франц.).

¹⁰⁴ Жебелев Сергей Александрович (1867–1941) — историк, филолог-классик, профессор Петроградского университета, академик (с 1927 г.).

человек смиренный и совсем непартийный, сказал С[ергею] Ф[едорови]-чу: Когда после ухода Соболевского из факультета на его место вступил Шахматов, я радовался, п[отому] ч[то] фак[ульте]т получает такую крупную ученую величину и такого высоко достоянного по репутации человека. Но когда я ближе присмотрелся к нему и к той роли, которую он в факультете играет, я должен сказать, что я никогда еще такого интригана не встречал.— Я совершенно не понимаю, чем это объясняется; С[ергей] Ф[едорович] думает, что все объясняется фанатизмом Шахм[ато]ва: как фанатик партии, он слишком непримиримо понимает партийную этику и обязанность для членов партии подчиняться дисциплине партии. Для меня это совершенно непонятно» (10 марта 1915 г., Л.46–47).

В Дневнике содержится и еще одно упоминание о «партийности» А.А.Шахматова в связи с делом В.Н.Перетца— в январе 1915 г.: «Вчера С[ергей] Ф[едорович] видел у В[асилия] Гр[игорьевича] Др[ужинина] Шляпкина, который, между прочим, сказал: мне Академия не нужна, и я вовсе не обижен тем, что меня не выбрали, но я обижен тем, что выбрали Пере[т]ца¹⁰⁵ помимо меня и Сперанского.¹⁰⁶ По слухам, Перетц уже поссорился с Шахматовым и вообще скучает в П[етербурге], п[отому] ч[то] ему здесь некому и негде преподавать, а ведь сила его именно в преподавании, ученый же он живой, но некрупный. По-видимому, он рассчитывал получить лекции в Пед[агогическом] Инст[итуте], но С[ергей] Ф[едорович] пригласил сюда Сакулина¹⁰⁷ и, по-видимому, не ошибся в своем выборе» (31 января 1915 г., Л.19–19об.). Тема Перетца была продолжена через полтора месяца, в марте 1915 г.: «В субботу, 14-го, было заседание фак[ульте]та, на котором С[ергея] Ф[едорови]-ча несколько удивило отношение проф[ессора]в-к[а]д[етов] к единомышленнику Пер[ет]цу: после своего избрания в Академию Пере[т]ц переселился сюда и объявил в Унив[ерсите]те семинарий с зачетом, говоря, что таков usus¹⁰⁸ в Киевском ун[иверсите]те: давать зачет может всякий желающий. Тогда ему объяснили, что в здешнем Ун[иверсите]те зачет давать может только тот, кто имеет такое поручение от фак[ульте]та и получает от ф[акультета] вознаграждение. Перетц

¹⁰⁵ Перетц Владимир Николаевич (1870–1935) — филолог, академик (с 1914 г.).

¹⁰⁶ Сперанский Михаил Несторович (1863–1938) — литературовед, академик (с 1921 г.).

¹⁰⁷ Сакулин Павел Никитич (1868–1930) — литературовед, академик (с 1923 г.).

¹⁰⁸ Обычай, практика (лат.).

ответил: мне денег не надо, нужен только зачет. Ф[акультет] разрешил ему, как академику, в виде исключения давать зачет, не получая вознаграждения. Теперь он опять объявляет для будущего уч[ебного] года семинарий с зачетом— м[ожет] б[ыть], рассчитывая получить от фак[ультета] вознаграждение, но фак[ультет] решил денег ему не давать, а ведь большинство ф[акультета]— кадеты; правда, что в заседании не было Шахматова; м[ожет] б[ыть], он бы встал за Пер[е]тца» (16 марта 1915 г., Л.54—54об.).

Даже близкие по духу профессора, такие как Б.А.Тураев (с которым Платоновы дружили семьями), временами подозревались в «заигрывании» с либералами. Об этих подозрениях Н.Н.Платонова пишет в мае 1916 г.: «В связи с делом о диссертации Вульфюса¹⁰⁹ (качество которой представлялось сомнительным — *Е.Р.*)¹¹⁰ в факультете С[ергей] Ф[едорович] еще лишний раз задумался над поведением Б[ориса] Ал[ександровича] Тураева в Ун[иверсите]те: в факультете и Совете он всегда молчит, как убитый, и голосует не всегда понятным образом, а, придя домой, по словам его жены, страшно возмущается многим из того, что говорится и делается в Ун[иверсите]те. Но какую цену имеет это негодование, раз оно совсем не проявляется там, где нужно? Что это— малодушие или полтика? С[ергею] Ф[едоровичу] даже тяжело думать, что это м[ожет] б[ыть] сознательная тактика: нежелание спорить с левыми, чтобы попасть в Академию наук, где царят левые» (22 мая 1916 г., Л.108об.—109).

Вообще, несмотря на видимую отстраненность от университетской корпорации во второй половине 1910-х годов, Платоновы не могли не продолжать жить университетской жизнью— ее события по-прежнему занимают центральное место в Дневнике.

После прихода к власти большевиков все «прежние отношения» были в значительной степени перечеркнуты— с установлением политической диктатуры в 1917 г. С.Ф.Платонов оказался по одну сторону баррикад со своими бывшими оппонентами, что не могло не сказаться на тоне Дневника. В этот период одними из наиболее близких к Платоновым людей становятся А.И.Введенс-

¹⁰⁹ Вульфюс Александр Германович (1880—1941) — историк, профессор всеобщей истории Высших Женских курсов. Речь идет о его докторской диссертации «Вальденское движение в развитии религиозного индивидуализма» (Пг., 1916).

¹¹⁰ О диссертации и В.Г. Вульфюса о ее критике см.: *Свешников А.В. А.Г. Вульфюс как историк религии // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Посвящается 60-летию... Г.К. Садрстдинова. Омск, 2001. С. 103—107.*

кий и Е.В.Тарле, дружба с которыми (особенно с последним) по «политическим» основаниям ранее была невозможной. Тем не менее, «кадеты» полностью не прощены и продолжают изредка оставаться поводом для язвительных замечаний.

Приведем несколько отрывков из записей 1918—1921 гг.: «Теперь все принялись говорить о вреде интернационального настроения у русской интеллигенции, о необходимости развивать в детях национ[альное] чувство, любовь к прошлому родной земли, к ее искусству, ее святыням и т.д. В Научно-пед[агогическом] общ[естве] учителей истории при здешнем Унив[ерсите]те Г.К.Вибер¹¹¹ тоном покаяния публично признается, что в его (а также и его товарищей) преподавании русск[ая] история была всегда в загоне. «Помните Ив[ан] Мих[айлович]», сказал он в одном заседании этого Общества Гревсу, «как в гимназии Таганцевой, где под Вашим руководством работала группа нас, Ваших учеников, русская история всегда оставалась в тени, как один из членов нашего факультета, дочери которого воспитывались в этой гимназии, говорил Вам: «много у Вас хорошего в гимназии, но нет национ[ального] направления, все русское в загоне» (очевидно, намек на С[ергея] Ф[едоровича]),— и как вы на это обижались». На это Гревс ответил: «Я помню эти разговоры, но не помню, чтобы я на них обижался».— Здесь перепутаны действующие лица: с Гревсом и Л[юбовью] Ст[епановной] Таганцевой¹¹² говорил об этом не С[ергей] Ф[едорович], а я. Это было 15 лет тому назад, когда Ниночка кончила курс, т.е. перешла в VIII кл[асс], Верочка¹¹³ в VI, Наденька¹¹⁴ в IV. Я, накопив уже много впечатлений от гимназии, нарочно переждала весеннее время экзаменов, осенью просила аудиенции у Люб[ови] Ст[епановны] и в одно воскресенье часа два говорила с ней об этом. Мне, воспитанной в архирусской, правоверной и православной гимназии С.Н.Фитф, особенно больно было наблюдать это космополитическое настроение и абсолютное равнодушие ко всему русскому. Я сказала Л[юбови] Ст[епановне]: Я забочусь тут не о своих детях, п[отому] ч[то]

¹¹¹ Возможно, речь идет либо о Георге Карловиче Веберс, преподавателе Женских педагогических курсов, либо об Александре Эдуардовиче Веберс — преподавателе гимназии Л.С. Таганцевой и Николаевского сиротского института.

¹¹² Таганцева Любовь Степановна — владелица и директриса частной гимназии.

¹¹³ Платонова (в замужестве Шамонина) Вера Сергеевна (1888—1944) — дочь С.Ф. Платонова.

¹¹⁴ Платонова (в замужестве Красвич) Надежда Сергеевна (1890—1965) — дочь С.Ф. Платонова.

убеждена, что мы сумеем воспитать в них любовь ко всем: родному — но меня удивляет общее направление гимназии; так часто приходится слышать от Ваших учениц: русской историей никто не интересуется, она такая скучная, эти бесконечные междоусобия и т.д., а вот западная история так красива и т.п. И это направление вполне исходило от Гревса, которому я сама тогда сказала о своем разговоре с Люб[овью] Ст[епановной]. Оба выслушали меня. Люб[овь] Ст[епановна] спросила: отчего С[ергею] Ф[едоровичу] не поговорить об этом с Ив[аном] Мих[айловичем]? А Гревс сказал мне: м[ожет] б[ыть], лучше будет разделить преподавание русской и всеобщей истории, поручив каждую специалисту? — И никакой перемены в результате не произошло, а теперь, через 15 лет, они сами это припомнили — должна сознаться, что это доставило мне некоторое нравственное удовлетворение. Говорят (Дм[итрий] К[онстантинович] Петров), что в этом году на пасхальной заутрене в Унив[ерситет]ской церкви были и Гревс, Ростовцев с женой, — чего раньше никогда не было; конечно, это тоже знаменательно» (24 июля 1918 г., Л.62об.—64).

Меняется отношение и к «главарям» Академии наук, особенно к непремемному секретарю С.Ф.Ольденбургу. Н.Н.Платонова полностью солидаризируется с позицией С.Ф.Ольденбурга относительно оплаты труда профессоров: «Третьего дня было заседание по вопросу о размерах вознаграждения за ученый труд и разные должности, занимаемые профессорами, учеными и т.п.; совместительство (в смысле получения жалования за несколько должностей) решительно воспрещается; можно получать в месяц не больше 3600 р. (что при нынешних ценах совсем немного). Выходит так[им] обр[азом], что, занимая несколько должностей, можно получать жалование только за одну из них, а в других местах нужно работать даром. — Некоторые участники заседания высказывали мнение, что не надо понимать этого буквально, возмущаться, покидать неоплачиваемые места и т.п., что, как всегда это бывает, жизнь сама укажет тот или другой выход из создавшегося положения; другие говорили, что молчать нельзя, что нужно прямо сказать сов[етскому] правительству, что больше не можем терпеть этого. Особенно горячо, со слезами в голосе говорил С.Ф.Ольденбург: ученые вымирают, они обречены на гибель правительством, которому, они не нужны. Мы не можем хорошо питаться, ходим в рваной обуви и худом платье, п[отому] ч[то] у нас нет средств для покупки нового, но мы знаем, кто может позволить себе и позволяет себе всякие издержки — это те, в ком сов[етское] правительство нуждается и кому дает не только жалование, но и паек, равняющийся второму жалованию. Мы

должны прямо сказать прав[итель]ству, что такое положение не-терпимо, покинуть места, где нас хотят заставить работать даром, и искать заработка в других областях: на фабриках, заводах, в издательствах и т.д. Вероятно, если только эти тарифы будут окончательно утверждены, начнется массовый уход профессоров и вообще служащих из многих учреждений и мест.

Лично мы очень мечтаем, чтобы С[ергей] Ф[едорович] получил жалование как председатель Археогр[афической] комиссии (там с жалованием служащих вышла какая-то заминка) и покинул Гл[авное] арх[ивное] управление, которое очень утомляет его» (5/18 февраля 1919 г., Л.106.—3).

Автор Дневника приводит и другое, близкое ему высказывание С.Ф.Ольденбурга: «Недавно С.Ф.Ольденбург опять говорил о том, с каким цинизмом большевики относятся к профессорам и ученым; в Комиссариате труда прямо говорят: что же, что они грозят уйти— пусть уходят, с теми из них, кто нам нужен, мы всегда сумеем сговориться» (18 февраля/3 марта 1919 г., Л.8—8об.).

Однако, несмотря на все перемены, настороженное отношение к профессорам-кадетам оставалось. Непатриотизм и «партийность» по-прежнему регулярно ставились им в вину— описывая планы отъезда за границу семьи М.И.Ростовцева, Н.Н.Платонова замечает: «Но каково теперь русским в Зап[адной] Европе? Как на них там смотрят? С[ергей] Ф[едорович] думает, что это настроенные паники у Ростовцевых отражает общее настроение партии к.-д. после большевистского переворота; во всяком случае нам оно не вполне понятно» (19 марта 1918 г., Л.27—27об.).

Периодически Н.Н.Платонова также обвиняет профессорско-кадетов в сотрудничестве с большевиками: «Вчера, сегодня и завтра— юбилейные дни здешнего Ун[иверсите]та; завтра— начало масленицы— в нормальное время какие бы это были торжественные и радостные дни, а сейчас ничто на ум не идет. Вчера мне и не хотелось в Ун[иверсите]т: ведь этой гадине Зелинскому поручено было произнести речь «Роль Унив[ерсите]та в развитии гуманитарных наук»— как это характерно для моральной неразборчивости кадетской профессуры! Вчера в Ун[иверсите]т явился в довольно растерзанном виде Луначарский, сидел в первом ряду вместе с какой-то девицей Пилит, которая в настоящее время играет роль его жены, и произнес речь: для всякого правительства, даже для теперешнего, Унив[ерсите]т представляет большую ценность, п[о-тому] ч[то] наука нужна народу и т.д. И ему аплодировали не только в зале, но и на эстраде, среди профессоров кое-кто— это при всем известном презрительном, совершенно недопустимом отношении Л[уначарско]го к профессорам» (9/22 февраля 1919 г., Л.4—4об.).

Раздражают Н.Н.Платонову и любая отстраненность знакомых историков от политических событий, желание сохранить нейтралитет, который с некоторых пор старался соблюдать А.Е.Пресняков: «Пресняков видел кого-то, приехавшего из Сибири, и слышал от него, что правительство Колчака действует теми же средствами, что и большевики: арестами, обысками, расстрелами и г.д. Пр[есняко]в с недоумением и даже осуждением говорит об этом, но какими же средствами можно теперь вообще действовать, если не террором? Конечно, это ужасно, но, по-видимому, неизбежно» (14/27 февраля 1919 г., Л.7об.—8).

Аналогичны оценки поведения других ученых, ищущих компромисса с большевиками: «[...] сколько таких малодушных или неустойчивых в нравственном отношении людей, которые как будто начинают поддаваться большевикам! И А[лександр] Ив[анович] Заозерский, и Б[орис] Ал[ександрович] Романов,¹¹⁵ и Б[орис] Вл[адимирович] Александров¹¹⁶ [...] и многие другие. Они как будто забывают или не понимают, что большевизм заплывал или растоптал нашу душу, что он играет на самых низменных инстинктах челов[еческой] природы, что он дал простор самой необузданной распущенности, что он породил обстановку чудовищного произвола и бесправия, что он в корне разрушил или истребил множество духовных и всяких других ценностей» (2/15 декабря 1918 г., Л.43об.—44).

В начале 1921 г., когда намечается перелом в отношениях С.Ф.Платонова с новой властью, побеждающей в Гражданской войне, критическая оценка деятельности профессоров из «кадетской партии» только усиливается и дается уже с другой точки зрения: «На днях С[ергей] Ф[едорович] получил повестку с приглашением профессоров на какое-то частное совещание в Ун[иверсите]те: С[ергей] Ф[едорович] туда не пошел, а Пресняков и Цызырев¹¹⁷ пошли; последний говорил: пожалел, что пошел; дураком пошел, дураком и ушел; профессорам предложено было обсудить и подписать выработанный каким-то кружком (как потом оказалось, кадетами) текст ответа профессоров большевикам, которые месяца 2 тому назад обратились с воззванием к профессорам, приглашая их работать на пользу коммунизма и насаждать его в высшей школе. Говорят, выработано было не-

¹¹⁵ Романов Борис Александрович (1889–1957) — историк России.

¹¹⁶ Александров Борис Владимирович (?–1942) — историк России.

¹¹⁷ Цызырев Иван Федорович (1872–?) — социолог, профессор Петроградского университета и Первого Педагогического института.

сколько редакций ответа, между прочим, Карсавиным и Кареевым; редакция последнего и была принята все тем же кружком и в готовом виде предложена остальным профессорам. Кареев защищал ее против возражений, Зелинский произнес целую речь — как всегда, по всем правилам ритор[ического] искусства, — говоря, что ответить большевикам нужно хотя бы оттого, что этого ждут от русск[их] профессоров заграничные профессора (Цызырев из этого заключает, что этот «Ответ» чуть ли не заказан из-за границы через Зелинского, только что оттуда вернувшегося). Карсавин сказал, что «нужно же наконец скрестить с ними [большевиками] шпаги», на это Дм[итрий] К[онстантинович] [Петров] заметил, что «порядочному человеку не со всяким можно скрестить шпагу», и ушел, не подписав «Ответ». Так же поступили и Цызырев с Пресняковым. Ц[ызырев] говорит: это — прежняя тактика кадет и кадетоидов: за спиной товарищей-проф[ессоро]в решить дело со «своими» и в готовом виде поднести другим для утверждения. «Они ничего не забыли и ничему не научились», — говорит Ц[ызырев]. Любопытно сравнить его слова с наблюдениями над унив[ерситет]ской жизнью Б.А.Романова: в Унив[ерсите]те по-прежнему сильные к.д., хотя им и приходится пока работать втихомолку. Они свято хранят заветы Д.Гримма (уехавшего за границу), усиленно тянут «своих» и устраниают «чужих»; этим объясняются, вероятно, успехи в Ун[иверсите]те, напр[имер], Недзвецкой, отец которой, кажется, был довольно видный к.д.; у нее самой никаких ученых заслуг нет, даже, кажется, ни одной порядочной статьи. С другой стороны, не от этого ли потерпел здесь fiasco Н.К.Пиксанов,¹¹⁸ недавно приехавший сюда из Саратова и очень желавший остаться здесь? Ведь после смерти Шляпкина, Шахматова и Венгерова по этой кафедре никого не осталось, кроме разной мелкоты вроде Истриной,¹¹⁹ Абрамовича,¹²⁰ Ильинского¹²¹ и т.п. Правда, у Пиксанова нет ученой степени (вероятно, Дм[итрий] К[онстантинович] [Петров] не стоял за него), но ведь он — живой, постоянно работающий человек,

¹¹⁸ Пиксанов Николай Кириякович (1878–1969) — литературовед, историк русской литературы, член-корреспондент Академии наук с 1931 г.

¹¹⁹ Истрина Евгения Самсоновна (1883–1957) — филолог, специалист по истории русского языка.

¹²⁰ Абрамович Дмитрий Иванович (1873–1955) — филолог-славист, палеограф, источниковед.

¹²¹ Ильинский Леонид Константинович (1878–1934) — литературовед, специалист по древнерусской литературе.

вокруг которого всегда были постоянно работающие ученики и ученицы. С[ергей] Ф[едорович] не бывает теперь в заседаниях факультета и Совета из чувства некоторой брезгливости; ему претит присутствие в них ассистентов, лаборантов и представителей студенчества. Дм[итрий] К[онстантинович] [Петров] говорит, что среди этой массы постороннего народа «старые» профессора совсем теряются. С[ергей] Ф[едорович] не любит даже говорить об этом: ему слишком больно. Интересно впечатление Маруси¹²² от унив[ерситет]ской аудитории: состав ее так юн и так мало приготовлен к высшей школе, что последняя превращается в какой-то VIII класс гимназии, ныне в гимназиях уничтоженный; поэтому теперь в Унив[ерсите]те гораздо более уместны такие юные преподаватели, как бр[атя] Жирмунские, [...] и т.п., чем такие серьезные профессора, как Гревс, Дм[итрий] К[онстантинович] [Петров], С[ергей] Ф[едорович] и т.п.» (13/26 января 1921 г., Л.5—6об.).

Действительно, Н.Н.Платонова так и не смогла простить своим оппонентам из либерального лагеря обид прошлого. Вновь и вновь автор возвращается в дневнике к оценке А.С.Лаппо-Данилевского, перенося пафос своего критического отношения к отцу на его детей и, прежде всего, известного математика Ивана Александровича Лаппо-Данилевского (1895—1931). В мае 1919 г. в Дневнике автор делает следующую запись: «он [Иван Александрович Лаппо-Данилевский] [...] преподает в Покровской женской гимназии (историю) и заведует там хозяйственной частью; он совсем юный мальчик (23 г[ода]), и непонятно, как он может заведовать хозяйством; [...] Л[аппо]-Д[анилев]ский убежденный большевик (коммунист); сначала он заведовал при Покр[овской] гимназии школой или Курсами для заводских и фабричных подростков; это учреждение, [...]— нечто ужасное, занимаются там чем угодно, но только не учением; что там делал Л[аппо]-Д[анилев]ский, я не знаю, но дело кончилось плохо: учащиеся хотели украсть у него шубу, а потом побили его; тогда [...] его [переместили] в гимназию, где Л[аппо]-Д[анилев]ский организовал коммунистическую ячейку из учащихся, преимущественно младших классов; VIII кл[асс] на это не идет, за что их называют белогвардейцами и т.п.; Л[аппо]-Д[анилев]ский действует ретиво, ячейка разрастается. Дети развращаются, дело педагогов тормозится; [...] С[ергей] Ф[едорович] видел обоих сыновей Л[аппо]-Д[анилевско]го на похоронах отца и вынес впечатление, что они как будто физически недоразвиты. А Верочка в Москве слышала от какого-

¹²² Платонова Мария Сергеевна (1897—1942) — дочь С.Ф. Платонова.

то свойственника Л[аппо]-Д[анилевско]го, что оба сына никчемные (младший¹²³ — художник, ученик Петрова-Водкина¹²⁴). Но какую ужасную драму должен был переживать отец, наблюдая коммунист[ическую] деятельность сына! Когда Пресняков был в первый раз в заседании Союза деятелей архивного дела, где А.С.Л[аппо]-Д[анилев]ский был председателем, он сказал С[ергею] Ф[едорови]-чу: там есть вредный человек: А.С.Л[аппо]-Д[анилев]ский — так невыносимо резок, высокомерен и нетерпим был он по отношению к теперешнему нашему прав[итель]ству и его представителям; С[ергей] Ф[едорович] сам видел, как он держался по отношению к Рязанову, этому, безусловно, доброму и порядочному человеку — каково же ему было в собственном сыне наблюдать как бы Рязанова в миниатюре? М[ожет] б[ыть], этим отчасти объясняется его нетерпимое отношение к больш[евика]м?» (21 апреля/4 мая 1919г., Л.46—47об.).

Спустя некоторое время Н.Н.Платонова возвращается к этой теме: «В гимназии он (И.А.Лаппо-Данилевский — *Е.Р.*) очень рано проявил почти гениальные матем[атические] способности; в 5-м кл[ассе] написал статью, которая была помещена в каких-то *Annales*; в 7-м представил работу, которую его учитель показал профессору Стеклову; тот сказал, что если бы кончающий студент представил ему эту работу как зачетное сочинение, он, несмотря на некоторые недочеты ее, присудил бы за нее золотую медаль, а автора оставил бы при унив[ерсите]те. Юноша был освобожден от ответов по многим предметам, т[ак] к[ак] было ясно, что он знает гораздо больше, чем нужно. Но в VIII кл[ассе] он получил от какого-то родственника большое наследство в Екатериносл[авской] губ[ернии] и в Крыму — и свихнулся: начал кутить, окружил себя какой-то очень подозрительной компанией, пропадал в разных вертепах; [...] он (Ив[ан] Ал[ександрови]ч) кутит в отдельном кабинете Сафй Empire или Palais Royal, а мать его¹²⁵ сидит и плачет в общем зале; из кабинета выскочит сынок в пьяном виде и крикнет матери, ч[то]-н[ибудь] непечатное, вроде: Убирайся домой, старая стерва. — На офицерских курсах продолжалось то же: ежедневно вечером за ним приезжал автомобиль и к утру его привозили в бесчувственном состоянии; дело дошло до кокаина и

¹²³ Лаппо-Данилевский Александр Александрович (1898—1920) — сын А.С. Лаппо-Данилевского.

¹²⁴ Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878—1939) — российский художник.

¹²⁵ Лаппо-Данилевская Елена Дмитриевна (урожденная Бескарюкова) — жена А.С. Лаппо-Данилевского, мать И.А. и А.А. Лаппо-Данилевских.

морфия; здоровье скоро оказалось подорванным, наследс^тво рас-
траченным. Что должны были пережить бедные родители при
таком крушении сына, подававшего такие блестящие надежды? И
дальнейшая стадия в его жизни— очевидно, деятельность его, как
коммуниста, в Покровской женской гимназии» (18/31 декабря
1919 г., Л.97об.—98об.).

Таким образом, старая вражда так и не оказалась полностью
преодолена.

Дневник обрывается в 1921г. Дальнейший жизненный путь
семьи Платоновых был трагичным. В профессиональном отноше-
нии С.Ф.Платонов стал одной из основных фигур, объединяю-
щих историков старой школы, достаточно сказать, что его правой
рукой в археографических предприятиях Академии наук становит-
ся А.И.Андреев, ближайший ученик А.С.Лаппо-Данилевского.
После избрания С.Ф.Платонова в Академию наук (которое стало
возможным в 1920 г., после кончины А.С.Лаппо-Данилевского и
М.А.Дьяконова) он сближается с С.Ф.Ольденбургом, непремен-
ным секретарем Академии, который ранее был одним из его
основных оппонентов. Примечательно, что С.Ф.Платонов оказал-
ся фигурой способной объединить бывших либералов с бывшими
правыми. Так, С.Ф.Платонов становится основным инициатором
избрания в Академию наук Н.П.Лихачева (своего бывшего конку-
рента в борьбе за пост директора Публичной библиотеки) и, в
конце концов, добивается своего, несмотря на противодействие
«либералов». Об этом противодействии сохранилось интересное
упоминание в одной из записей последней тетради Дневника: «В
Ак[адемию] Наук нужно провести второго русского историка.
С[ергей] Ф[едорович] назвал было Н.П.Лихачева, но сочувствия
не встретил: 1) он рептилен, всю жизнь льнул к великим мира
сего, а с своими сверстниками и сотоварищами по наукам не
знался; 2) его находят уже неработоспособным, а в Академии
нужны работающие люди. В результате в III Отделении Ак[адемии]
н[аук] (историческое) пройдет, вероятно, моск[вич] М.М.Богос-
ловский, а Лихачева, кажется, хотят выбрать во 2-ое Отд[еление]
р[усского] языка и словесности), где сидел Бестужев-Рюмин (а
раньше Карамзин)» (23 января/5 февраля 1921 г., Л.10.). Действи-
тельно, М.М.Богословский избирается в Академию в 1921 г., а
Н.П.Лихачев становится академиком только в 1925 г., но все-таки
по III Отделению (Исторических наук и филологии).¹²⁶ Изменя-
ются отношения и с другими «противниками» молодости. Инте-

¹²⁶ Ср.: Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведе-
ние (1917–начало 1930-х гг.). М., 2004. С. 326–329.

ресно, что в 1928 г. ставший к тому времени академиком-секретарем С.Ф.Платонов поддержит избрание другого своего конкурента, Н.И.Кареева, «почетным академиком».¹²⁷

По-видимому, более теплыми стали отношения С.Ф.Платонова и с И.М.Гревсом.¹²⁸ Вообще, с нашей точки зрения, справедливо говорить о том, что в 1920-е гг. под натиском новой идеологизированной науки и «школы Покровского» происходило стихийное объединение сил старой школы вокруг нескольких переживших революцию ученых старшего поколения, наибольшее влияние из которых имел С.Ф.Платонов. Впрочем, это положение лидера и предопределило драматический конец карьеры и жизни ученого, оказавшегося одной из центральных фигур в сфабрикованном ОГПУ «Академическом деле».¹²⁹

В этом обзоре мы лишь наметили основные темы Дневника. Крайне субъективный характер ряда процитированных выше оценок и интерпретаций фактов, данных Н.Н.Платоновой, естественно, не может помешать оценить их как интересный источник. Ведь, по выражению С.Ф.Платонова, для историка важно выявить тот «угол зрения»,¹³⁰ под которым он был создан. Мы попытались по мере возможности ввести рассматриваемый материал в историографический контекст, с тем чтобы читателю этот «угол зрения» показать. В заключение хочется выразить надежду, что полное комментированное издание Дневника «не за горами». С нашей точки зрения, оно могло бы быть весьма полезным для отечественной историографии и антропологии науки.

¹²⁷ См.: *Ростовцев Е.А.* Н.И. Кареев в среде историков Петербургской школы // Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель. Материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.И. Кареева. Сыктывкар, 5-6 декабря 2000. Сыктывкар, 2002. С. 186.

¹²⁸ См.: *Свешников А.В., Корзун В.П., Мамонтова М.А.* «Жизни наши... протекли... взрость» (из истории взаимоотношений И.М. Гревса и С.Ф. Платонова)... С. 330-332.

¹²⁹ Академическое дело 1929-1931. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. I.

¹³⁰ *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории // *Платонов С.Ф.* Сочинения. В 2-х т. СПб., 1993. Т. 1. С. 55-56.

М.Б.Свердлов

Аспирантский период в биографии Л.Н.Гумилева*

Каждая человеческая жизнь самоценна. Она представляет собой неповторимое сочетание индивидуальности, генетического наследия родителей и — шире — предков, собственного опыта, отечественной и всемирной исторической и культурной традиции, современной экономической, социальной, политической и духовной действительности родной страны и мира в целом. Все эти факторы в большей или меньшей степени воздействуют на личность каждого человека, но особенно интеллигента, основу жизни которого составляет интеллектуальная деятельность.

Столь же важен в человеческой жизни каждый ее период. Он включает в себя предшествующий опыт, накапливает новые знания, так или иначе воздействует на содержание последующего жизненного пути.

Все эти наблюдения в полной мере подтверждаются при изучении биографии Л.Н.Гумилева.

Л.Н.Гумилев — заметное явление в отечественной интеллектуальной жизни. Он — автор многочисленных книг и статей. Ему принадлежат теории пассионарности и особого вида этногенеза. Он считал себя «последним евразийцем». Л.Н.Гумилев — человек трагической судьбы. Три раза его несправедливо арестовывали при сталинском режиме. Он неизменно ассоциируется с именами и судьбами его родителей — А.А.Ахматовой и Н.С.Гумилева.

Изложению основных событий биографии Л.Н.Гумилева, его работам посвящены монографии¹ и многочисленные статьи. Между

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

¹ Лавров С. Лев Гумилев: Судьба и идеи. М., 2000; Чистобаев А.И. Этнологи, опередившие время (К 90-летию Л.Н.Гумилева и 50-летию К.П.Иванова. СПб., 2002, и др.